

Санкт-Петербургский государственный университет
Институт истории
Кафедра источниковедения истории России

Приймак Н. И., Валегина К. О.

*Мемуары, дневники, письма
как исторический источник*

Санкт-Петербург
2018

Санкт-Петербургский государственный университет
Институт истории
Кафедра источниковедения истории России

Приймак Н. И., Валегина К. О.

**Мемуары, дневники, письма
как исторический источник:**

учебное пособие

Санкт-Петербург

2018

ББК
В
ISBN

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор Е. Д. Твердюкова
кандидат исторических наук, доцент М. А. Маркова
кандидат исторических наук Л. В. Завьялова

Научный редактор:

доктор исторических наук, профессор С. Г. Кашенко

*Рекомендовано к печати Учебно-методической комиссией
Института истории Санкт-Петербургского государственного
университета 03.11.2017, протокол № 06/78-04-17*

Приймак Н. И., Валегина К. О. Мемуары, дневники, письма как исторический источник: учебное пособие. — СПб.: «Издательство «ЛЕМА»», 2018. — 72 с.

Учебное пособие призвано помочь в усвоении материала лекций по дисциплине «Мемуары, дневники, письма как исторический источник», которая читается студентам, обучающимся по направлению «История» (бакалавриат). В пособии раскрываются темы происхождения мемуаров, дневников и писем, объясняются основные задачи и методы их изучения, выясняется степень достоверности свидетельств, полнота и значение полученной из них информации. Контрольные вопросы, список основных источников и литературы помогут при написании курсовых работ и подготовке к аттестации.

Содержание

Введение	5
Тема 1. Источниковедение мемуаров, дневников, писем в отечественной историографии.....	6
Тема 2. Мемуары как исторический источник: <i>термины и понятие</i> («источники личного происхождения»; «мемуары» и «воспоминание», «воспоминания», «записки», сущность и эволюция понятия).....	32
Тема 3. Классификация мемуаров, дневников, писем	40
Тема 4. Задачи источниковедческого изучения мемуаров, дневников, писем	49
Список источников для подготовки докладов по источниковедческому анализу мемуаров, дневников, писем	61
Список рекомендуемых источников и литературы.....	63

Введение

Целью учебного пособия является формирование у студентов знаний о нескольких видах исторических источников — мемуаров, дневников, писем. Студенты должны получить представление о происхождении этих источников, усвоить основные задачи и методы их изучения, обратив внимание, прежде всего, на особенности формы и структуры, авторство и датировку, степень достоверности свидетельств, полноту и значение полученной из них информации.

Учебное пособие дает студентам представление об основных принципах и методах изучения и оценки указанных видов источников, позволяет применять их в исследовательской практике. Указанные цели определили структуру пособия: в первой теме изложена историография, которая позволяет проследить развитие знаний о мемуарах, дневниках, письмах в научных исследованиях с середины XIX в. до первого десятилетия XXI в. В следующих темах раскрыты термины и понятия, сущность и назначение классификации мемуаров, дневников, писем, а также изложены основные методы и приемы их анализа в качестве исторического источника.

Для закрепления материала к темам даны контрольные вопросы, основная и дополнительная литература. В конце текста учебного пособия представлен список источников, научных работ, справочно-библиографических изданий, рекомендованных для углубленного изучения мемуаров, дневников, писем как исторического источника.

Учебное пособие ориентировано на студентов-бакалавров по направлению «История».

Тема 1.

Источниковедение мемуаров, дневников, писем в отечественной историографии

Успешное развитие исторической науки в России к середине XIX в. обусловило формирование источниковедения как системы принципов и методов работы с историческими источниками. Отразившееся до этого в трудах В. Н. Татищева, М. В. Ломоносова, М. М. Щербатова, И. Н. Болтина, А.-Л. Шлецера и др. историков XVIII в. понимание источниковедения — сначала как способа поиска источников, затем как описания их в обзорах — стало привычным для исследователей к середине XIX в. в значении «приведения в известность памятников старины (источников)» и было соединено с понятием «историческая критика»¹. В таких аспектах с различной степенью полноты характеристик источники были представлены во введениях («вступительных» лекциях) к курсам русской истории М. П. Погодина, Н. И. Костомарова и, особенно, К. Н. Бестужева-Рюмина; в работах по истории исторической науки в России В. И. Герье, М. О. Кояловича, В. С. Иконникова.

Суждения В. Н. Татищева и А.-Л. Шлецера о понятии и правилах исторической критики нашли свое продолжение в начале XIX в. в работе М. Т. Каченовского, а затем в 30—40-гг. XIX в. обогатились оригинальными, сохраняющими научное значение и в наше время взглядами на теорию исторической критики Н. И. Надеждина.

Интерес к обзорам (описанию) источников и к исторической критике отразился также в первой специальной работе о мемуарах XVIII в. П. П. Пекарского, опубликованной в журнале «Современник» в 1855 г. Его суждения о работе исследователя

1. Фарсобин В. В. Источниковедение и его метод: опыт анализа понятий и терминологии. М., 1983. С. 38—39, 141—143, 215.

дователя с мемуарами - понятие «мемуары», учет разновидностей мемуарной литературы - отражали сложившееся к середине XIX в. представление о назначении, задачах и методах исторической критики и вместе с тем свидетельствовали о знании особенностей работы с мемуарами на основе определенного опыта исследовательской работы с ними. Наиболее важным в такой работе П. П. Пекарский считал изучение *личности* автора мемуаров: «Читая эти чистосердечные рассказы старины, невольно стараешься узнать и угадать, что за лицо был человек, писавший их? Почему он с любовью описывает одни только предметы и события, не упоминая о других, по нашим понятиям, более интересных? Чем объясняется его взгляд на вещи? Зачем для выражения своих мыслей он употребляет такие слова, такие обороты, которые для нас или непонятны, или имеют другое значение?»².

П. П. Пекарский также выделил и некоторые другие наиболее характерные для исторической критики мемуаров *методы* – изучение личности мемуариста, прежде всего его образа мыслей, через *анализ текста* мемуаров; внимание к воспитанию, которое получил автор; особенности языка и стиля изложения мемуаристом своих мыслей, в которых могли отразиться убеждения и привычки; уровень образованности данной личности, влияние на мемуариста современной ему эпохи; степень и характер влияния на содержание мемуаров особенностей того времени, когда они были написаны. П. П. Пекарский отметил и обязательность сопоставления свидетельств из мемуаров с другими источниками, которые могли отличаться по *форме, структуре и содержанию*, но вместе с тем имели с ними т. н. «органическую связь».

Вслед за работой П. П. Пекарского петербургский историк Н. Д. Чечулин во вводной лекции к курсу о русских мемуарах XVIII в., прочитанной студентам историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета 22 января 1891 г., обратив внимание на то, как важно для историка не только знать, но и стремиться понять прошлое, сделал вывод о том, что именно мемуары помогают понять логику жизни и

2. Пекарский П. Русские мемуары XVIII века // Современник. 1855. Т. 50(2)—52(4).

поступков прежних поколений, «уловить склад ума их авторов, их ход мыслей, всю их житейскую логику одним словом», что позволяло исследователю представить «дух и понятия того времени», «умственный и нравственный облик общества». Такие особенности были характерны, по мнению Н. Д. Чечулина, мемуарам XVIII в. и более отдаленного времени, когда их авторы писали записки о прошлом в основном для своих потомков, не собираясь их публиковать. Это позволило Н. Д. Чечулину, как до него и П. П. Пекарскому, написать, что мемуаристам XVIII в. были свойственны искренность и простота: «Они, несомненно, писали, как думали». Кроме того, Н. Д. Чечулин советовал исследователям выделять из мемуарных записок основное, чтобы понять и охарактеризовать общий фон описываемых событий, выделяя при этом *типичные* моменты и факты, характерные для того времени³.

Таким образом, уже в первых работах историков XIX в. о природе мемуаров как исторического источника были выделены основные задачи и методы работы с ними.

В связи с этим следует обратить внимание на сделанное впоследствии замечание В. О. Ключевского о том, что мемуары явились «плохой заменой» древних русских летописей: «Это обыкновенно записки людей, вращавшихся в тесном кругу интересов, уменьшавшемся еще тем, что горизонт мысли и наблюдательность этих авторов мемуаров еще уже того круга жизни, в котором они вращались. Отсутствие наблюдательности, житейского глазомера — существенно характерная черта всех авторов русских записок XVIII в.»⁴.

Характеризуя особенности мемуаров как источника, историки XIX — начала XX в. отмечали близость к ним (по происхождению, методам критики и значению) дневников, писем, автобиографий (К. Н. Бестужев-Рюмин, В. С. Иконников, Н. И. Кареев, А. С. Лаппо-Данилевский). Эти же историки выделяли и различия между данными источниками, например, по форме и характеру проявления в них личности автора.

3. Чечулин Н. Д. Мемуары, их значение и место в ряду исторических источников: вступительная лекция, читанная в С.-Петербургском университете 22 января 1891 г. перед началом курса «Русские мемуары XVIII в.». СПб., 1891.

4. Ключевский В. О. Соч. В 8 т. М., 1959. Т. VI: специальные курсы. С. 20.

Представления историков второй половины XIX — начала XX в. о природе мемуаров как исторического источника и приемах работы с ними отразились и во взглядах на *историческую критику*. К началу XX в. исследователями были систематизированы принципы изучения свидетельств источников, выявлено соотношение исторической критики и собственно исторического исследования.

В частности, А. С. Лаппо-Данилевский сделал вывод о необходимости рассматривать историческую критику в качестве *метода исследования* и противопоставлял ее технике работы историков⁵. Это суждение созвучно с выводом Н. И. Надеждина, сделанном ранее в конце 30-х годов XIX в., о назначении «высшей критики» при выяснении достоверности показаний источника определять «историческую возможность факта, возможность не отрицательную только, заключающуюся в отсутствии противоречия, состоящую в полном согласии с законами исторического развития жизни»⁶.

В рассуждениях о методах изучения мемуаров историки в конце XIX — начале XX в. продолжали уделять особое внимание анализу личности автора (В. О. Ключевский, В. С. Иконников, А. С. Лаппо-Данилевский). При издании мемуаров в предисловиях, как правило, приводились факты биографии мемуариста, при этом выделялись вопросы об образовании, убеждениях, возможном влиянии среды, в которой тот жил; обращалось внимание и на то, каким было личное отношение мемуариста к описываемым событиям, чем было оно обусловлено, на чем основывалось это мнение — личных ли наблюдений, слухах или рассказах современников, или, возможно, оно было почерпнуто из письменных источников.

Наиболее детально задачи и методы критики мемуаров были описаны в рукописи неизданного III т. «Опыта русской историографии» В. С. Иконникова, завершено им к 1920 г., где подробно была изложена *история происхождения мемуарной литературы в России* — от писем князя А. Курбского

5. Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. СПб., 1913. Ч. II, отдел I. С. 276—279; Фарсобин В. В. Источниковедение и его метод: опыт анализа понятий и терминологии. С. 144—156.

6. Надеждин Н. Об исторической истине и достоверности // Библиотека для чтения. СПб., 1837. Т. XX, раздел III.

до мемуаров, относящихся к первому десятилетию XX века. В. С. Иконников считал необходимым изучать *особенности* мемуаров как источника: какова их форма; на чем основывалось повествование — по памяти или чьим-то свидетельствам; каков язык и стиль; имеются ли редакции текста; каковы особенности издания. Иконников был склонен считать дневник одной из форм мемуаров; обращал внимание на необходимость учитывать обстоятельства, сопутствовавшие появлению мемуаров, стремиться понять возможное влияние на мемуариста более поздних по времени событий. Особенно внимательно следовало изучать свойства памяти, а также в целом личность мемуариста, возможность влияния на него т. н. «вкусов публики». Историк отметил появление в мемуарах в начале XX в. новой темы — т. н. «политических страстей». Такие мемуары, по замечанию В. С. Иконникова, были «написаны в духе партий»; отличались «не столько истиной, сколько проведением известных взглядов, защитой известных интересов»⁷.

В работах других историков начала XX в.⁸ отмечался в качестве особенности *субъективный характер* мемуарных записок, обусловленный природой этого источника, что давало возможность составить представление о психологии и разнообразии мнений современников этих событий.

Взгляды историков XIX в., а затем и начала XX в., прежде всего А. С. Лаппо-Данилевского, на вопросы методологии истории и методологию источниковедения оказали большое влияние на отечественную историческую мысль в первое десятилетие XX в. и, отчасти, в 1920-е годы. Это видно по работам В. И. Пичеты и, особенно, С. Н. Валка, отдававшего предпочтение выводам А. С. Лаппо-Данилевского о смысловом различии терминов «мемуары», «воспоминание» и «воспоминания» при характеристике природы мемуаров как источника. В частности, С. Н. Валк рассматривал мемуары как

7. Киреева Р. А. Неизданный том «Опыта русской историографии» В. С. Иконникова // Археографический ежегодник за 1977 год. М., 1978. С. 326—328.

8. Кареев Н. Историка: (Теория исторического знания). 2-е изд. Пг., 1916. С. 60; Пичета В. И. Введение в русскую историю: (Источники и историография). М., 1922. С. 61.

«исторический остаток культуры той эпохи, из коей они вышли». Поэтому, по его мнению, мемуары заключают в себе отображение «духовного уклада, а подчас и развития их автора, поскольку данный автор типичен для среды и психического строя всей той среды, к которой он принадлежал». Вместе с тем С. Н. Валк обратил внимание на возможность изучения мемуаров с другой точки зрения — не только «в качестве исторического факта», но и в «качестве показания об историческом факте». По его словам, в последнем аспекте мемуары «до весьма недавнего прошлого были если не единственным источником для изучения истории русского революционного движения, то уже во всяком случае главнейшим»⁹. В характеристике приемов критики мемуаров Валк, как и историки XIX — начала XX в., считал необходимым уделять особое внимание личности автора: степени и характеру его интереса к освещаемым событиям и сюжетам; взаимоотношениям автора мемуаров и среды, в которой он жил и которую описывал; особенностям памяти автора и литературного стиля его записок; соотношению взглядов мемуариста на прошлое и позиции историка, изучающего это прошлое по мемуарам данного автора.

Охарактеризованные взгляды историков сер. XIX — нач. XX в. на природу мемуаров как источника и методы их исторической критики свидетельствуют, несомненно, о высоком уровне исторических знаний в то время, так как изучались не только конкретные вопросы работы исследователя с источниками, но и определенные вопросы теории источниковедения в контексте методологии истории (прежде всего, К. Н. Бестужев-Рюмин, А. С. Лаппо-Данилевский, Н. И. Кареев).

Сопоставление этих взглядов с позицией историков середины — второй половины XX в. и далее в первые десятилетия XXI в. показывает: несмотря на то, что преемственность в истории развития отечественной исторической науки была существенно нарушена в 1930-е — нач. 1950-х гг., при ее восстановлении во второй половине XX в. научный интерес

9. Валк С. Н. [Рец.:] Историко-революционная библиотека. П[г]., 1920—1921 // Дела и дни. П[г]., 1922. Кн. 3. С. 190—202; переиздана: Валк С. Н. Избранные труды по археографии: научное наследие. СПб., 1991. С. 18—33.

к изучению взглядов историков XVIII — начала XX в. проявился в работах современных историков при изложении и обосновании новых идей в методологии источниковедения и, отчасти, в исследовательской практике, прежде всего, в источниковедении, археографии, текстологии.

С середины 1950-х гг. расширился круг издаваемых мемуаров, которые постепенно вводились и в научные исследования: были опубликованы (или переизданы) многие мемуары XVIII — начала XX в.; выделилась и оформилась мемуаристика русского зарубежья; публиковались записки иностранцев о России; издавались или вводились в тексты научных работ новые, не известные прежде мемуарные произведения; переиздавались с обширными комментариями научного и библиографического характера мемуары отдельных авторов, которые вызывали не только научный, но и общественный интерес.

Со второй половины XX в. стали выходить многие современные серии мемуаров, дневников и, отчасти, писем.

Продолжилось издание серии «Литературные памятники», выходившее в издательстве «Наука». В этой серии в 1989 г. было опубликовано мемуарное наследие и дневник за 26 февраля — 22 марта 1845 г. Александры Осиповны Россет (1809—1882), в замужестве Смирновой, по автографам мемуаристики, за исключением текста «Воспоминаний о Жуковском и Пушкине», рукопись которых не сохранилась, и продолжения «Баденского романа», дошедшего до нашего времени только в копии, сделанной П. И. Бартеневым (ОР ГБЛ и архивы Москвы). Данный том подготовила С. В. Житомирская на основе ряда правил академического издания: были опубликованы сохранившиеся и известные исследователям варианты текста, обширная научная статья и комментарии такого же характера, подробный именной указатель и иллюстрации¹⁰.

В 1990 г. издательством «Правда» были опубликованы мемуары А. О. Россет по изданию: А. О. Смирнова-Россет. Автобиография (М., 1931) и, частично, письма по изданию: А. О. Смирнова-Россет. Записки, дневники, письма (М., 1929)¹¹.

10. Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания / С.В. Житомирская: сост. и подг. издания. М., 1989.

11. Смирнова-Россет А. О. Воспоминания. Письма / Ю. Н. Лубченкова: сост., вст. ст., примечания. М., 1990.

Ранее, в 1982—1989 гг., в Ленинграде вышла в 12-ти томах серия «Библиотека революционных мемуаров “Из искры возгорится пламя”», в которой отдельными книгами были представлены мемуары по истории революционного движения в Петербурге-Петрограде в XIX — начале XX в. В состав редакционной коллегии издания входили историки Ленинграда и Москвы: В. Н. Гинев, М. П. Ирошников, Л. М. Спирин, В. А. Шишкин; ответственным составителем был доктор исторических наук В. Н. Гинев, который в 2016 г. опубликовал свои мемуары об истории подготовки и издания этой серии¹². Основу издания составили тексты мемуаров (в полном объеме или фрагменты); в примечаниях приводились биографии мемуаристов, давались подробные научные комментарии к текстам, публиковались и фрагменты текстов других источников. Каждая книга начиналась с обширной научной статьи конкретно-исторического, историографического и, отчасти, источниковедческого характера; издание содержало иллюстрации.

Появлялись и новые серии: в 1990 г. Лениздатом в серии «Голоса революции» были опубликованы мемуары узников политической тюрьмы России с особо жестким режимом - Алексеевского рavelина Петропавловской крепости. Среди узников этой тюрьмы были декабристы; петрашевцы (конец 1844 — начало 1849 г.); участники революционного движения в России 1860 —1870-х гг.; религиозные вольнодумцы; наконец, авантюристы и уголовники. Составитель и автор предисловия и примечаний А. А. Матышев охарактеризовал это издание как мемуары и исповеди о «страданиях сильных духом людей»¹³.

В 1994 г. в серии «Государственные деятели глазами современников» (редколлегия серии: Б. В. Ананьич, Р. Ш. Ганелин, М. А. Гордин, В. Г. Чернуха, К. Ф. Шацилло) были изданы

12. Гинев В. Н. Из жизни ЛОИИ 1980-х гг.: «Библиотека революционных мемуаров»: идея и воплощение // С.-Петербургский исторический журнал: исследования по российской и всеобщей истории. 2016. №1 (09). С. 247—262.

13. Алексеевский рavelин: секретная государственная тюрьма России в XIX веке. Л., 1990. Кн. 1—2.

опубликованные до этого в эмиграции мемуары и, частично, дневники, воссоздающие портрет Николая II¹⁴.

В серии мемуаров «Память», основанной еще в 1983 г., в редколлегию которой вошли известные ученые-историки и филологи, в частности А. Н. Сахаров, В. И. Буганов, Д. А. Жуков, Д. С. Лихачев и др., были подготовлены к публикации в 1990 г. доктором исторических наук М. Г. Вандалковской мемуары П. Н. Милюкова, с обширной научной статьей об истории и значении этих мемуаров¹⁵.

Эти и другие серии (например, «Полярная звезда», «Россия в мемуарах дипломатов») объединяли общие принципы издания текстов мемуаров и высокие по научному уровню вступительные статьи и комментарии.

Многие мемуары отдельных авторов также многократно переиздавались в 1980-х—1990-х гг., например, записки императрицы Екатерины II, княгини Е. Р. Дашковой, записки А. Т. Болотова. Среди таких изданий и «Своеручные записки княгини Натальи Борисовны Долгорукой, дочери г. фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева»; этот текст подготовил к переизданию по последнему его изданию (СПб., 1913), основанному на подлиннике несохранившейся рукописи, петербургский историк, доктор исторических наук Е. В. Анисимов. Записки были опубликованы в 1992 г. издательством «Художественная литература», в Санкт-Петербургском отделении. В те же 1990-е годы Е. В. Анисимов подготовил к изданию мемуары, дневниковые записи о Петре I (СПб., 1993) и подобное ему издание об «эпохе дворцовых переворотов» 1720—1760-х гг. (СПб., 1990).

Во второй половине XX в. системно оформилась библиография мемуаров. Начало положил пятитомный труд С. Р. Минцлова¹⁶. В его указателе содержалось 5 тысяч наи-

14. Николай Второй: воспоминания, дневники / Б. В. Ананьич, Р. Ш. Ганелин: сост., вст. ст., подг. текста, примечания. СПб., 1994.

15. Милюков П. Н. Воспоминания / М. Г. Вандалковская: сост., вст. ст., А. Н. Шаханов: комментарий, именной аннот. указ. В 2 т. М., 1990.

16. Минцлов С. [Р]. Обзор записок, дневников, воспоминаний и путешествий, относящихся к истории России и напечатанных на русском языке. Новгород, 1911—1912. Вып. 1-5.

менований изданий. В рецензии на этот указатель отмечалось, что в России «мемуарная литература велика и обильна, а порядку в ней маловато» (Русский библиофил. 1912. № 5. С. 84).

В 1970—1980-е гг. под редакцией Петра Андреевича Зайончковского, при участии большого коллектива библиографов научных библиотек Москвы и Ленинграда, в том числе и университетских, был подготовлен пятитомный указатель (13 частей в виде отдельных книг), в котором были описаны уже 25 тысяч мемуаров и дневников¹⁷.

Тематически с этим указателем был связан и другой, в котором, в том числе, были приведены сведения об архивах, музеях как хранилищах рукописей мемуаров¹⁸.

Одновременно с этим стали выходить указатели рукописей мемуаров, дневников, писем, хранящихся в Отделах рукописей РГБ (ранее ГБЛ) в Москве и РНБ в С.-Петербурге (ранее ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина)¹⁹.

Параллельно стала складываться система указателей мемуаров от XVIII до XX в., которые хранятся в основных архивах России²⁰.

С учетом активно развивающегося издания и переиздания мемуаров, как и расширяющейся информации о них, можно уверенно говорить о мемуаристике как составной части русской духовной культуры и широкой возможности ее познания.

17. История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: аннотированный указатель книг и публикаций в журналах / научн. рук., ред. П. А. Зайончковский. М., 1976—1989. Т. I—V: от XV в. до 1917 г.

18. Россия и российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках: аннотированный указатель книг, журнальных и газетных публикаций, изданных за рубежом в 1917-1991 гг. / ГПИБ; Стэнфордский университет, сост. Т. Г. Анохина и др.; науч. рук. А. Г. Тартаковский. М., 2003—2006.

19. Указатель воспоминаний, дневников, путевых записок XVIII—XIX вв. / ОР РГБ; сост. С. В. Житомирская. М., 1951; Воспоминания и дневники XVIII—XX вв.: указатель рукописей / ОР РГБ; сост. С. В. Житомирская. М., 1976; История СССР в воспоминаниях и дневниках: аннотированный каталог рукописей: конец XVIII—1917 г. / ОР ГПБ; сост. М. Я. Стецкевич. Л., 1975. Вып. I; Л., 1979. Вып. II.

20. Дневники и воспоминания XVIII-XX вв.: аннотированный указатель по фондам РГАЛИ. М., 2001. Вып. I.

С середины XX в., в условиях демократизации общественной жизни в России, интерес к мемуарной литературе возрос со стороны различных слоев общества, издателей и, что особенно важно, со стороны исследователей. При этом в работе с современной мемуарной литературой пришлось особенно внимательно рассматривать источниковую основу мемуаров, так как ее могли определять не только память мемуариста, но и другие источники: документальные материалы, служебная и дипломатическая переписка, воспоминания не одного автора, но и других лиц и др. В итоге многие мемуары стали представлять собой скорее исследовательские работы²¹.

Это отразилось на работе исследователей с мемуарами и повлияло на содержание современной учебной литературы при характеристике в ней мемуарных произведений²².

Все более явственно стала обозначаться тенденция написания мемуаров не для ближайшего окружения, для потомков, а для их публикации с целью оказать воздействие на взгляды современников и соответственно сознание членов общества. На это обратил внимание А. Г. Тартаковский при характеристике мемуарной литературы первой половины XIX в. в связи с проявлением в мемуаротворчестве, особенно после 1812 г., функций публицистики. Реальностью это стало со второй половины XIX в. и в XX в., когда идеологическая заданность, а также оправдание, обвинение и т.п. стали характерными чертами многих мемуарных произведений.

Возможно поэтому одним из первых обозначившихся направлений в изучении отечественного мемуаротворчества в 1970-1990-е гг. стало исследование исторической эволюции мемуаристики: в университетском учебнике по источниковедению (МГУ) были выделены наиболее характерные осо-

21. Подробнее об этом см.: Кабанов В. В. Между правдой и ложью: отечественные мемуары XX века. М., 2004; Румянцева М. Ф. Для чего люди пишут мемуары? (Мемуаротворчество как способ социализации индивидуума) // Мир психологии. 1998. №1. С. 141—155.

22. Источниковедение. Теория. История. Метод. Источники российской истории: учеб. пособие / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. М., 2004. С. 466—486; Источниковедение: учебник для академического бакалавриата / А. В. Сиринов, Е. Д. Твердюкова, А. И. Филюшкин; под ред. А. В. Сиринова. М., 2015. С. 289—301.

бенности эволюции мемуаров в XIX — начале XX в.²³ В еще более широких хронологических рамках эта проблема рассматривалась в статьях А. А. Курносова и С. С. Минц²⁴. Понятию мемуаров как исторического источника в историографии сер. XIX — нач. XX в. была посвящена статья Н. И. Приймак²⁵.

Появились работы, историков и литературоведов о зарождении и развитии мемуарного жанра в XVII — первой половине XIX в., среди них оригинальная по теме — о соотношении живописных портретов современников XVIII в. и мемуарных произведений этих личностей, как и мемуарных повествований о них²⁶.

В 1970—1990-х гг. на основе изучения мемуаров историки стали изучать новые темы российской истории, среди них — социальная психология российского дворянства XVIII — первой трети XIX в.²⁷ Были написаны работы историко-

23. См.: Источниковедение истории СССР XIX — начала XX в.: учеб. пособие / МГУ; под ред. И. А. Федосова (отв. ред.), И. И. Астафьева, И. Д. Ковальченко. М., 1970. С. 346—429; Источниковедение истории СССР: учебник / МГУ; под ред. И. Д. Ковальченко. М., 1973. С. 274—288, 393—417, 522—540.

24. Курносов А. А. Мемуары // БСЭ. 3-е изд. М., 1974; Минц С. С. Об особенностях эволюции источников мемуарного характера // История СССР. 1979. №6. С. 55—70.

25. Приймак Н. И. Понятие мемуаров как исторического источника в отечественной историографии XIX — нач. XX в. // Вестник СПбГУ. Сер. 2. История. 1994. Вып. 2. С. 21—28.

26. Гюбиева Г. Е. Этапы развития русской мемуарно-биографической литературы XVIII в.: автореф. дис. ... канд. филол. наук / МГПИ. М., 1969; Елизаветина Г. Г. Становление жанров автобиографии и мемуаров // Русский и западноевропейский классицизм: проза. М., 1982; Чайковская О. Г. Как любопытный «скиф»: русский портрет и мемуаристика второй половины XVIII века. М., 1990; Чекунова А. Е. Русское мемуарное наследие второй половины XVII — XVIII вв.: опыт источникововедческого анализа. М., 1995; Мишуков О. В. Русская мемуаристика первой половины XIX века: проблемы жанра. Киев, 1997.

27. Минц С. С. Социальная психология российского дворянства последней трети XVIII — первой трети XIX в. в освещении источников мемуарного характера: автореф. дисс. ... канд. ист. наук / МГУ. М., 1981.

ведческого характера о мемуарах купцов²⁸, столичных чиновников²⁹, государственных и политических деятелей³⁰.

На основе издания и переиздания мемуаров, дневников, писем виднейших историков России³¹ продолжала развиваться сложившееся ранее традиция написания и публикации мемуарно-автобиографических произведений³², которая со второй половины XX века определила изучение мемуаров как источника по истории отечественной исторической науки и истории университетов в России³³.

28. Смирнова М. А. Мемуары и дневники петербургских купцов конца XVIII — начала XX в. как исторический источник: автореф. дисс. ... канд. ист. наук / СПбГУ. СПб., 2011.

29. Чернуха В. Г. Мемуары столичного чиновничества второй половины XIX в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1983. Вып. XIV.

30. Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. С. Ю. Витте — мемуарист. СПб., 1994 (ротапринт).

31. Ключевский В. О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории / отв. ред. и автор предисловия М. В. Нечкина; сост. Р. А. Киреева, А. А. Зимин, Э. Г. Чумаченко, М. Ф. Леонтьев. М., 1968; Кареев Н. И. Прожитое и пережитое / В. П. Золотарев: археографическое предисловие, примечания, вступительная статья, подготовка текста, комментарии. Л., 1990.

32. Костомаров Н. И. Автобиография. СПб., 1890; М., 1922.

33. Булгакова Л. А. Мемуары как источник по истории университетов дореволюционной России // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1985. Вып. XVI; Демина Л. И. Проблемы отечественной историографии в мемуарах русских историков в XIX-XX в.: учебное пособие. М., 1990; Приймак Н. И. 1) А. С. Лаппо-Данилевский в воспоминаниях современников // Клио: журнал для ученых. 1997. №3. С. 49—54; 2) А. С. Лаппо-Данилевский и С. Н. Валк (Учитель и ученик) // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 1998. Вып. 1 (№2). С. 8—16; 3) Россия на рубеже XIX-XX веков в мемуарах историков // Актуальные проблемы современного источниковедения: материалы украинско-российского научного семинара. Киев; СПб., 1999. С. 67—74; 4) Петроград 1917—1920 годов в мемуарах историков // Историография и источниковедение отечественной истории: сб. науч. ст. и сообщений. СПб., 2001. С. 144—152; 5) И. М. Гревс как мемуарист // Петербургские исследования: сб. научных ст. СПб., 2006. М. 81—90; Ростовцев Е. А. Дневник Н. Н. Платоновой (Шамониной) как источник по истории исторической науки // Времена и судьбы: сб. ст.

Появление мемуаров современников XX в. — университетских преподавателей, аспирантов и студентов подтверждают неослабевающий научный интерес к этой теме³⁴.

Издание мемуаров к юбилеям событий, значимых для своего времени и оказавших воздействие на последующие годы, способствовало появлению новых исследований. Например, к 150-летию отмены крепостного права в России (2011 г.) были опубликованы мемуары и дневники, авторами которых были помещики, мировые посредники, судебные следователи, уникальные по авторству воспоминания «бывшего крепостного» (так называл себя сам автор, пожелавший остаться неизвестным); в этом же издании были опубликованы научные статьи о данных источниках (Н. И. Приймак, Н. Г. Рогулин)³⁵.

Издания и переиздания воспоминаний крестьян о революционных событиях 1917—1918 гг. в деревне обусловило внимание к истории их собирания и публикации³⁶.

Значительное место в 1980—1990-е годы заняли обобщающие работы А. Г. Тартаковского, хронологически и тематически продолжающие исследование истории развития русской мемуаристики XVIII — первой половины XIX в.³⁷: «от летописного способа изображения действительности к связно-целостному мемуарному повествованию с выдвиганием на

в честь 75-летия В. М. Панеяха. СПб., 2006. С. 270—318; Памяти академика С. Ф. Платонова: исследования и материалы. СПб., 2011.

34. Наш дом на Менделеевской, 5: воспоминания универсантов-историков / ред.-сост. И. Б. Михайлова. СПб., 2015.

35. Крестьянская реформа 1861 г. в свидетельствах современников / сост. Н. И. Приймак, Н. Г. Рогулин, Л. В. Завьялова, К. В. Орлов. СПб., 2013.

36. 1917 год в деревне: (Воспоминания крестьян). М., 1967; Кабанов В. В. Собрание и публикация в 20-х годах крестьянских воспоминаний об аграрной революции и гражданской войне в России // Археографический ежегодник за 1984 год. М., 1986. См. библиографию литературы об изучении мемуаров советского времени // Источниковедение истории советского общества. М., 1964, 1968, 1978, 1982. Вып. I—IV.

37. Тартаковский А. Г. 1) 1812 год и русская мемуаристика: опыт источниковедческого изучения. М., 1980; 2) Русская мемуаристика XVIII-первой половины XIX в.: от рукописи к книге. М., 1991; 3) Русская мемуаристика и историческое сознание XIX века. М., 1997.

передний план индивидуальной биографии автора и его внутреннего духовного мира»³⁸.

Следует заметить, что к обобщающей оценке значения мемуаров с точки зрения их особенностей как источника и возможности познания на их основе истории прошлого исследователи подошли еще раньше — к началу XX в. В работах А. С. Лаппо-Данилевского и Н. И. Кареева (1913 г.) были обобщены развивавшиеся с середины XIX в. взгляды на мемуары. А. С. Лаппо-Данилевский относил их к «историческим преданиям» и писал, что «они дают понятие о внутреннем мире человека, его побуждениях и мотивах, симпатиях и антипатиях, мнениях и доктринах; о его действиях и поступках; об интимной стороне жизни людей данного круга, их характерах, нравах и привычках; о событиях, иногда рассказываемых на основании собственных чувственных восприятий, а иногда сообщаемых и по чужим показаниям, рассказам или слухам; об оценке изображаемых в них лиц и событий»³⁹. Н. И. Кареев подчеркивал отличие мемуаров от хроник современных событий, так как в мемуарных произведениях отражались события, в которых сами авторы этих произведений принимали участие, они были известны им «как очевидцам или как лицам, слышавшим о них от очевидцев» и при этом их особенностью было то, что в них проявлялась «личность самого автора, его субъективные переживания, пристрастия, стремления»⁴⁰.

Близкие к этим суждения высказывали историки XIX в. Например, К. Н. Бестужев-Рюмин, характеризуя отличие мемуаров от источников официального характера, писал, что в мемуарах ясно отражается личность современника и к тому же очевидца событий «со своими сочувствиями и нерасполо-

38. Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика XVIII — первой половины XIX в.: от рукописи к книге. С. 220. См. также приложения: таблицы мемуаров, история издания, справки об авторах, библиография, которые имеют самостоятельное научное значение. С. 222—270.

39. Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. СПб., 1913. Ч. II. С. 780,—781.

40. Кареев Н. И. Историка: (Теория исторического знания). С. 60.

жениями, со своими целями и видами»⁴¹. Такие особенности, по мнению Н. Д. Чечулина и П. П. Пекарского, были характерны для мемуаров и дневников XVIII в.

Традицию такого подхода к оценке мемуаров как источника продолжила работа А. Г. Тартаковского. Среди произведений мемуарного жанра современные исследователи рассматривают и дневники.

Такой подход определил вывод о запечатлении в дневниках собственного опыта, личного участия автора дневника в происходящих событиях и закреплении в тексте дневника памяти о своем времени и своей жизни в тот или иной период⁴².

Данное суждение относится и к мемуарам, и к дневникам. Но различие между ними с точки зрения видовой характеристики несомненно. По словам А. Г. Тартаковского, исследователи увидели это различие в «системе отражения действительности — синхронной в дневниках, ретроспективной в воспоминаниях»⁴³. В связи с этим в дневнике фиксируется «непредрешенный» жизненный процесс, а в мемуарах — «обдуманное воссоздание» состоявшихся событий в свете имеющегося знания их последствий, как ближайших, так и будущих⁴⁴. Можно найти и различия в структуре (композиции) повествования в этих источниках: в мемуарах — «связный, сюжетно-организованный рассказ», в дневниках — «дискретные записи». Отсюда и предназначение дневников — по своей природе это источник «для себя», как правило, не для публикации. Но бывают и исключения. Например, «Дневник» А. В. Никитенко (М., 1955—1956. Т. 1—3) — сына крепостного крестьянина, в будущем учителя, профессора университета, академика, одного из руководителей цензурного ведомства; в его дневнике запечатлена общественная и культурная жизнь Петербурга 1820-1870 годов; можно назвать и дневник П. А. Ва-

41. Бестужев-Рюмин К. Н. Русская история. СПб., 1872. Т. 1: Введение. С. 51.

42. Тартаковский А. Г. Социальные функции источников как методологическая проблема источниковедения // История СССР. 1983. № 3. С. 112—125; Эйхенбаум Б. О прозе. О поэзии: сб. ст. Л., 1976. С. 342.

43. Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика XVIII — первой половины XIX в.: от рукописи к книге. С. 11—12.

44. Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. Л., 1971. С. 12.

луева, министра внутренних дел за период 1861—1876 гг. (М., 1961. Т. 1—2).

В 1990-е годы, как это было с мемуарами, издавались серии, объединяющие по определенным темам дневники. К примеру, в серии «Дневники и воспоминания петербургских ученых», был опубликован дневник известного петербургского нумизмата гр. И. И. Толстого (1858—1916), изучавшего древнейшие русские монеты и бумажные деньги XVIII—XIX в., а в последние годы своей жизни приступившего к изданию византийских монет⁴⁵.

Большой интерес для исследователей представляют дневники русских поэтов и писателей, отразившие события истории России и размышления о них. Такими являются, например, дневник 1901—1921 г. и автобиография 1915 г. А. А. Блока⁴⁶; дневники М. М. Пришвина, которые запечатлели повседневную жизнь писателя (1873—1954) и его творчество. О своем дневнике М. М. Пришвин писал 19 января 1952 г.: «если очистить его от неудач, и так бы сделать лет за десять, и очищенное собрать в один том, то и получится та книга, для которой родился Михаил Пришвин»⁴⁷. Для исследователей важны дневники писателей, поэтов, художников, историков, в частности Л. Н. Толстого, В. В. Вересаева, В. Я. Брюсова, В. К. Короленко, А. Н. Бенуа, М. П. Погодина, В. О. Ключевского, В. И. Герье и др. как источники по истории культуры, общественной жизни XIX—XX в.

При характеристике методов изучения дневников большинство исследователей обращают внимание на необходимость выделения и понимания своеобразия ведения записей в дневниках. Это важно, но недостаточно, так как необходимо учитывать и многообразие форм дневников, например, «записных» и «памятных» книжек, «журналов» в XVIII—XIX в. (преимущественно в дворянской среде). При этом надо учитывать особенности записей, которые обыкновенно ведет автор дневника изо дня в день или с небольшими промежутками во времени, прежде всего, для себя, но возможно также с целью

45. Дневник И. И. Толстого. СПб., 1997.

46. Блок А. А. Автобиография. 1915. Дневники. 1901—1921 // А. А. Блок. Собр. соч. В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 7. С. 7—16, 19—426.

47. Пришвин М. М. Дневники. М., 1990. С. 416.

опубликовать в будущем что-то из текста дневника. Некоторые дневники могут приобретать черты, характерные для произведений художественной литературы. О внешних особенностях и различиях в форме записей, как и общих особенностях дневников первой половины XIX в., А. С. Пушкин, который также вел дневник, написал в одном из вариантов к VII главе «Евгения Онегина»:

«Среди бессвязного маранья
Мелькали мысли, примечанья
[Портреты] буквы, имена
[И чисел] [тайных] [письмена]
Отрывки, письма черновые —
И словом искренний журнал,
В котором сердце изливал
Онегин в дни свои младые,
Дневник мечтаний и проказ
Незанимательных для вас»⁴⁸.

П. А. Вяземский делал самые разные по форме заметки, в том числе дневниковые, в своих записных книжках, которые вел с 1813 по 1878 г.⁴⁹

Среди дневников первой половины — середины XIX в. выделяются дневники братьев Тургеневых; если учесть дополняющую их переписку братьев Андрея, Александра, Николая, Сергея. Записи в дневнике и содержание писем Андрея Ивановича Тургенева относились к событиям начиная с 1797 г., Николай Иванович Тургенев умер в 1871 г. Надо отметить его участие в движении декабристов, с 1824 г. он жил за границей, заочно был приговорен к вечной каторге, с 1826 г. стал политэмигрантом, был известным экономистом и публицистом. В этих дневниках отложилась история общественно-полити-

48. Пушкин [А. С.] Евгений Онегин // Полн. собр. соч. / ред. Б. В. Томашевский. М., 1937. Т. VI. С. 430—431.

49. Вяземский П. А. Записные книжки (1813—1848) / В.С. Нечаева: сост. и подготовка к изданию. М., 1963; подробнее об этом см.: Дмитриев С. С. Мемуары, дневники, частная переписка первой половины XIX в. // Источниковедение истории СССР XIX — начала XXв.: учеб. пособие / МГУ. М., 1970. С. 354—358.

ческой жизни России и Западной Европы от конца XVIII в. до 70-х годов XIX в.⁵⁰

Интересны для исследователей и дневники А. С. Пушкина, В. К. Кюхельбекера, а также дневник А. В. Никитенко (1804—1877), который описывал различные по характеру события, записывал новости, суждения и мнения других лиц, свои собственные мысли, так что во всем этом отразилась жизнь за период 1818—1877 гг.⁵¹ Дневники А. И. Герцена (за 1842—1845 гг.), Н. Г. Чернышевского (за 1848—1853 гг.) представляют большой интерес для изучения истории общественно-идейной жизни России. Дневник за 1883—1892 гг. русского государственного деятеля Александра Александровича Половцова (1832—1909) — с 1883 г. государственного секретаря, с 1892 г. члена Государственного совета, организатора и с 1879 г. председателя имп. Русского исторического общества⁵², а также дневник гр. Дмитрия Алексеевича Милютин (1816—1912)⁵³ — генерал-фельдмаршала (1898 г.), почетного члена Петербургской Академии наук (с 1866 г.), профессора Военной академии, в 1861—1881 гг. занимал пост военного министра и провел реформы в 1860—1870 годы — эти источники отразили многие важные и сложные процессы в истории России второй половины XIX в.

Дневники, свидетельствующие о событиях XX в., изучены недостаточно. Кроме дневников А. А. Блока и М. М. Пришвина, стоит упомянуть дневник Александра Николаевича Бенуа (1870—1960), художника, историка искусств, театрального декоратора, художественного критика, относящийся к 1905—1906 гг. и к 1916—1918 гг., из последнего впер-

50. Архив братьев Тургеневых. СПб., 1911—1930—1933. Вып. 1—7; Декабрист Н. И. Тургенев: письма к брату С. И. Тургеневу. М.; Л., 1936; Тургенев А. И. Хроника русского: дневники (1825—1826). М.; Л., 1964.

51. Никитенко А. В. Дневник. В 3 т. М., 1955—1956.

52. [Половцов А. А.] Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. В 2 т. М., 1966; Имп. Русское историческое общество [1886—1915]. СПб., 1886—1915. (Отчеты общества).

53. Милютин Д. А. Дневник. В 4 т. М., 1947—1950.

вые было опубликовано около 300 страниц о событиях 1917—1918 гг.⁵⁴

Все больший интерес в настоящее время проявляется к мемуарам и дневникам российской эмиграции после 1917 г.⁵⁵

Близкими к мемуарам и дневникам по характеру отражения в них действительности являются письма.

Письма и переписка играли важную роль в общении людей, когда не было телефона, никаких иных форм связи, тем более было непросто преодолевать расстояния, иногда значительные, для личных встреч. В таких условиях переписка обеспечивала возможность регулярного общения отдельных людей. В отличие от частной, деловая (также и служебная) переписка относится к делопроизводственным материалам⁵⁶. О том, что частная переписка стала со второй половины XVIII и в XIX веке характерным явлением в жизни русского общества, свидетельствуют «письмовники», в которых приводились образцы писем на разные случаи. Переписка образованных людей, например, в среде литераторов, журналистов, ученых, а также семейная переписка были обыкновенным явлением во второй половине XVIII — XIX — начале XX в. Как правило, эта переписка имела дружески-доверительный, откровенный характер⁵⁷.

Развитию переписки способствовало совершенствование почтовой связи. Такие изменения стали очевидными с 80-х годов XVIII в.⁵⁸

Во второй половине XIX в. начали активно издавать частную переписку. Большая часть ее печаталась в исторических

54. [Бенуа А. Н.] 1) Дневник А. Н. Бенуа за 1905—1906 гг. // Наше наследие. 2008. № 77, 86; 2) Дневник 1916—1918 годов. М., 2006 (серия «Биография и мемуары»).

55. Россия и российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках: аннот. указ. книг, журнальных и газетных публикаций, изданных за рубежом в 1917—1991 гг. / ГПИБ; Стэнфордский университет; сост. Т. Г. Анохина и др.; научн. рук. А. Г. Тартаковский. В 4 т. М., 2003—2006. (Здесь же сведения об архивах, музеях как хранилищах мемуаров и дневников).

56. Дмитриев С. С. Мемуары, дневники, частная переписка первой половины XIX в. С. 359.

57. Там же. С. 360—361.

58. Там же. С. 362—363. См. также: Базилевич К. Почта в России в XIX веке. М., 1927.

журналах («Русский архив», «Русская старина», «Голос минувшего»), а также в «Чтениях Общества истории и древностей российских», в томах «Сборника имп. Русского исторического общества»; после 1917 г. — в «Красном архиве», «Литературном наследстве». Собираанию и формированию коллекций писем уделяли большое внимание в XIX — начале XX в. писатели, ученые, журналисты, что привело к учету и описанию писем в библиографических изданиях, описаниях и обзорах, большей частью вместе с мемуарами и дневниками⁵⁹.

В связи с началом активного изучения истории Великой Отечественной войны в 1960-е годы большой интерес вызвали издания писем периода войны. Был издан сборник писем солдат, переиздан сборник предсмертных писем участников подпольной борьбы в 1941—1945 гг.⁶⁰

В отечественной историографии письма обычно характеризуют в литературе об изучении мемуаров в качестве исторического источника. Есть и специальные исследования, например, об особенностях и значении переписки в повседневном быту во времена А. С. Пушкина в первой половине XIX в., когда авторы писем воспринимали их в качестве произведений определенного «законченного» жанра⁶¹.

В процессе издания писем в археографии и текстологии были выработаны правила их публикации и методы изучения внешних особенностей формы и структуры⁶².

В этом отношении можно назвать строго научным полное издание писем и творческих донесений (отчетов) Совету имп. Санкт-Петербургской Академии художеств русского художника-пейзажиста Сильвестра Феодосиевича Щедрина (1791—1830), подготовленное М. Ю. Евсевьевым. Эти письма были написаны художником в 1818—1830 гг. из Рима и Неапо-

59. Дмитриев С. С. Мемуары, дневники, частная переписка первой половины XIX в. С. 364—367.

60. Солдатские письма: сб. М., 1965; Говорят погибшие герои: предсмертные письма советских борцов против немецко-фашистских захватчиков (1941—1945 гг.). 3-е изд. М., 1966.

61. Гроссман Л. Культура писем в эпоху Пушкина // Л. Гроссман. Цех пера: статьи о литературе. М., 1930. С. 241.

62. Прохоров Е. И. Издание эпистолярного наследия // Вопросы текстологии. М., 1964. Вып. 3. С. 18—19.

ля, где он жил сначала в качестве академического пенсионера (1818—1823), затем частного лица, подданного Российской империи. Издание выполнено на высоком уровне с точки зрения археографии, текстологии и источниковедения. Письма опубликованы по автографам, с сохранением стилистических и языковых особенностей, без купюр, приведены разночтения, сделана разметка текстов по листам архивных дел; изложена история их происхождения и миграции; охарактеризованы предшествующие издания части писем; присутствуют статья источниковедческого характера, указатель (под названием «Фонд») имен собственных и названий. Издание подготовлено на основе изучения коллекции писем, хранящихся в Отделе рукописей РНБ (С.-Петербург) и Отделе письменных источников Государственного исторического музея (Москва), а также донесений художника, находящихся в Российском государственном историческом архиве (С.-Петербург)⁶³.

В серии «Бумаги дома Романовых» была издана переписка будущего российского императора Александра II со своим отцом — императором Николаем I, которая велась в течение 14 месяцев путешествия цесаревича Александра Николаевича по Европе в 1838—1839 г. Публикация была осуществлена по автографам, хранящимся в Государственном архиве Российской Федерации (г. Москва). В тексте использовались материалы «Журналов путешествия», которые велись лицами, сопровождавшими цесаревича, а также сведения из их писем к императору и императрице — В. А. Жуковского, А. А. Кавелина, графа А. Ф. Орлова и др. Издание подготовила группа историков под ред. доктора исторических наук, профессора Л. Г. Захаровой (она же автор предисловия) и доктора исторических наук, профессора С. В. Мироненко⁶⁴.

В 1970—1990-е гг. началось активное исследование переписки XVIII — начала XX в. представителей различных слоев русского общества с особым вниманием к отражению в них социальной психологии, а также эволюции писем⁶⁵. В связи

63. Итальянские письма и донесения Сильвестра Феодосиевича Щедрина (1818—1830) / подг. М. Ю. Евсевьев. М., 2014.

64. Переписка цесаревича Александра Николаевича с императором Николаем I. 1838—1839. М., 2008 (Бумаги Дома Романовых).

65. Кучина Т. Г. 1) К изучению эволюции эпистолярных источни-

с интересом исследователей к изучению истории революционного движения в России появились статьи о письмах как источнике изучения психологии революционеров-разночинцев 70-х гг. XIX в., социальном облике солдат и рабочих в 1917—1920 гг.⁶⁶

В последние годы стала активно изучаться переписка ученых, в том числе историков⁶⁷.

С 1980-х годов начинается изучение семейной переписки, в основном, представителей дворянских родов, письма которых ввиду их достаточно полной сохранности давали историкам возможность исследовать эпистолярные комплексы в различных аспектах: уровень переписки в то или иное время, характер и роль эпистолярных отношений в семье, тематические, контекстуальные, композиционные связи в процессе

ков второй половины XIX — начала XX вв. // Актуальные проблемы источниковедения истории СССР, спец. ист. дисциплины и их преподавание в вузе: тезисы докладов III Всесоюзной конференции. Новороссийск, 1979. М., 1979. С. 221—224; 2) К вопросу об изучении эволюции эпистолярных источников второй половины XIX — начала XX в. // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин. М., 1984; Марасинова Е. Н. 1) Социальная психология интеллектуально-аристократических кругов российского дворянства последней трети XVIII века: (опыт формально-количественного анализа источников эпистолярного характера): автореф. дис. ... канд. ист. наук / МГУ. М., 1991. 2) Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века: (по материалам переписки). М., 1999.

66. Соболев Г. Л. Письма в Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов как источник для изучения общественной психологии в России в 1917 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1968. Вып. I; Горбунов А. В. Личная переписка как источник для изучения социальной психологии революционеров-разночинцев 70-х гг. XIX века // Проблемы истории СССР. М., 1978. Т. 7; Романовский В. К. Письма рабочих как источник для изучения социального облика рабочего класса 1920-х гг. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1990. Вып. XXI.

67. Кобак И. В. Изучение писем как исторического источника в отечественной историографии (40-е годы XX в. — начало XXI в.) // Историография и источниковедение отечественной истории: сб. науч. ст. СПб., 2009. Вып. 5. С. 560—580.

переписки членов семьи⁶⁸.

Таким образом, научные работы и издания мемуаров, дневников, писем свидетельствуют о том, что в отечественной историографии сложились устойчивые тенденции и традиции исследования этих источников как явления культуры в широком смысле этого понятия, а также методов анализа, оценки их информационных возможностей в качестве источника. Развитие этого процесса можно проследить через содержание учебных пособий по источниковедению 1970 (МГУ) — конца 1990 и начала 2000-х годов (РГГУ, СПбГУ), а также по работам отдельных исследователей.

68. Наумов Е. Ю. Переписка Чичериных как источник по истории общественного сознания и культуры России второй половины XIX — начала XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / АН СССР. Институт истории СССР. М., 1985; Тюнина О. П. Эпистолярные источники фонда Юсуповых // Советские архивы. 1989. №6. С. 68—71; Кобак И. В. Семейная переписка Гаевских 1820—1880-х гг. как исторический источник: автореф. дис. ... канд. ист. наук / СПбГУ. СПб., 2015.

Контрольные вопросы

Какие особенности мемуаров как исторического источника выделяли исследователи в сер. XIX — первые десятилетия XX в.?

Какие особенности мемуаров как исторического источника выделяли исследователи во второй половине XX — начале XXI в.?

Какие методы изучения дневников и писем были выделены в историографии XIX — начале XXI в.?

Как формировалась библиография мемуаров?

Основная литература:

Источниковедение. Теория. История. Метод. Источники российской истории: учеб. пособие / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. М., 2004.

Источниковедение: учебник для академического бакалавриата / А. В. Сиренов, Е. Д. Твердюкова, А. И. Филошкин; под ред. А. В. Сиринова. М., 2015.

Фарсобин В. В. Источниковедение и его метод: опыт анализа понятий и терминологии. М., 1983.

Дополнительная литература:

Валк С. Н. Избранные труды по археографии: научное наследие. СПб., 1991.

Гинев В. Н. Из жизни ЛОИИ 1980-х гг.: «Библиотека революционных мемуаров»: идея и воплощение // С.-Петербургский исторический журнал: исследования по российской и всеобщей истории. 2016. № 1 (09).

Дневники и воспоминания XVIII—XX вв.: аннотированный указатель по фондам РГАЛИ. М., 2001. Вып. 1.

История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: аннотированный указатель книг и публикаций в журналах / научн. ред. П. А. Зайончковский. М., 1976—1989. Т. I—V: от XV в. до 1917 г.

Кабанов В. В. Между правдой и ложью: отечественные мемуары XX века. М., 2004.

Киреева Р. А. Неизданный том «Опыта русской историографии» В. С. Иконникова // Археографический ежегодник за 1977 год. М., 1978. С. 326—328.

Россия и российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках: аннотированный указатель книг, журнальных и газетных публикаций, изданных за рубежом в 1917—1991 гг. / ГПИБ; Стэнфордский университет, сост. Т. Г. Анохина и др.; научный руководитель А. Г. Тартаковский. М., 2003—2006.

Тема 2.

Мемуары как исторический источник: термины и понятие («источники личного происхождения»; «мемуары» и «воспоминание», «воспоминания», «записки», сущность и эволюция понятия)

Мемуары (лат. *memoria* — память, франц. *memoires* — воспоминания) – жанр литературного произведения о прошлом в форме повествования участника (свидетеля) различных событий личного и общественного характера, основу содержания которого, в основном, определяет память автора. Обычно мемуары содержат жизнеописание их автора (полное или фрагментарное).

В современной учебной и исследовательской литературе мемуары обычно характеризуются вместе с дневниками и письмами в контексте понятия «источники личного происхождения».

Мемуары, дневники, письма представляют разные виды исторических источников, близкие между собой по происхождению, характеру и значению. В учебном пособии 1970 г. (МГУ) такую характеристику этих источников с учетом историографической традиции дал С. С. Дмитриев: «Воспоминания (мемуары), дневники, частная (личная) переписка (эпистолярные памятники) – письменные исторические источники, близкие между собой по происхождению, характеру и значению их для историка. Но близкие по многим чертам, они являются тремя различными видами источников. Для каждого существуют особые приемы их отыскания, изучения, использования»¹.

В современных учебных пособиях приведены другие понятия, иногда противоречащие одно другому:

1. Источниковедение истории СССР: учебник. С. 393 (гл. 24). Ср. с. 274 (гл. 17), с. 523 (гл. 32).

— М. Ф. Румянцева: «Источники личного происхождения — группа видов исторических источников, функцией которых является установление межличностной коммуникации в эволюционном и коэзистенциальном целом и автокоммуникации. Они наиболее последовательно воплощают процесс самосознания личности и становление межличностных отношений. К источникам личного происхождения относятся дневники, частная переписка (эпистолярные источники), мемуары-автобиографии, мемуары — «современные истории», эссеистика, исповеди»;

— В. В. Кабанов: «Мемуары — специфический жанр литературы, особенностью которого является документальность», которая «основывается на свидетельских показаниях мемуаристов, очевидцев описываемых событий». «К разновидностям мемуарной литературы следует отнести *дневники* и различные *дневниковые записи*. «Письма — уникальный, ни на что не похожий вид исторического источника»².

— Е. Д. Твердюкова: «Воспоминания (мемуары), автобиографии, дневники, частная переписка — письменные источники, близкие по характеру и значению для историка, но являющиеся разновидностями источников личного происхождения. Критерием для их разграничения становится целевое назначение, а также функциональные различия в способах достижения этой цели». «Мемуары (от лат. *memoria* — память) — это письменный исторический источник, представляющий собой написанные от первого лица воспоминания автора о минувших событиях, участником или очевидцем которых он был»³.

Можно согласиться, что в отношении этих источников существуют общие задачи, методы и приемы их изучения и оценки, но вместе с тем следует учитывать, что своеобразие формы, структуры и композиции текста отличает один вид источника от другого.

В работе исследователя с этими источниками определяющее значение имеет изучение личности автора мемуаров, дневников и писем. Возможно, в связи с этим в литературе по

2. Источниковедение. Теория. Метод. Источники российской истории: учеб. пособие. С. 466, 634, 640.

3. Источниковедение: учебник для академического бакалавриата. С. 289, 292.

явился термин «источники личного происхождения», позволяющий объединять в общую группу указанные виды источников. Представляется, однако, что этот термин не отражает сущность и сложность природы данных источников: *любой* исторический источник создается *лично* тем или другим *автором* или *коллективом авторов* и, соответственно, отражает их *личное* мнение.

В связи с изучением происхождения и использования в научной литературе термина «мемуары» целесообразно обратиться к отечественной историографии середины — второй половины XIX в. В то время мемуары характеризовалось не только в работах, специально им посвященных (П. П. Пекарский, Н. Д. Чечулин), но также в обзорах основных источников, изучаемых по истории России (К. Н. Бестужев-Рюмин, В. О. Ключевский, В. С. Иконников), в предисловиях к публикациям мемуаров и рецензиях на отдельные издания (А. Н. Афанасьев, П. И. Бартенев, К. Н. Бестужев-Рюмин, В. С. Иконников, А. Н. Пыпин, М. И. Семевский, П. М. Строев, Н. Д. Чечулин и др.). Присутствующие в этих работах суждения свидетельствуют о вполне сложившихся взглядах на термин и понятие «мемуары», на происхождение этого источника, его природу и методы работы с ним исследователя. Вместе с тем следует признать, что при использовании этого термина не просматривается представление о необходимости учитывать отличие от терминов, обозначающих форму, в которой источник мог быть представлен. Поэтому одни историки (К. Н. Бестужев и В. С. Иконников) использовали термин «записки (memoires)», другие — «мемуары» и «записки современников» как равнозначные (П. П. Пекарский, В. О. Ключевский, В. С. Иконников) или близкие, но имеющие самостоятельный смысл (Н. Д. Чечулин). Н. И. Кареев использовал термины «мемуары» и «воспоминания» — «записки с нарочитой целью», «да ведают потомки»⁴. Предпочтение термину «мемуары» отдавал А. С. Лаппо-Данилевский. При классификации источников в «Методологии истории» он использовал термин «воспоминание» для обозначения *процесса воспроизведения в мыслях прошлого*. Разделяя источники на «остатки культуры» и «исторические предания», А. С. Лаппо-Данилев-

4. Кареев Н. Историка: (Теория исторического знания). С. 57.

ский отмечал: «Под понятие об историческом предании можно подвести, конечно, и понятие о воспоминании, касающемся остатка культуры»; историческое предание «есть мысленное воспроизведение факта (а не его остаток)». Исторические предания А. С. Лаппо-Данилевский делил на «чистые предания», которые были основаны на собственном авторском восприятии действительности, и на «смешанные предания», основу которых составляли свидетельства по «чужим преданиям». К «чистым преданиям» он относил мемуары, надписи, рисунки, рассказы очевидцев, отчасти былины⁵.

Смысловое различие терминов «мемуары» и «воспоминание» подтверждают и суждения А. С. Лаппо-Данилевского о понимании им терминов «память» и «воспоминание». Охарактеризовав особенности и разновидности памяти людей, А. С. Лаппо-Данилевский заметил, что показание об историческом факте основывается «не только на памяти, но и на воспоминании: субъект дающий показание об историческом факте, должен не только знать, что он его испытал где-то и когда-то, но должен помнить ту совокупность представлений, ту обстановку, словом, то конкретное целое, в котором вспоминаемый образ был действительно испытан им»⁶. Характеризуя «воспоминания» как мыслительный процесс воспроизведения пережитого состояния мемуаристом, А. С. Лаппо-Данилевский подчеркивал: «Достаточно припомнить сколь долгий промежуток времени иногда протекает между моментом восприятия исторического факта и показанием о нем, например, при составлении мемуаров»⁷.

Приведенные суждения А. С. Лаппо-Данилевского о различии терминов «мемуары» и «воспоминание» фактически не учитывались в современной литературе. Исключением является характеристика *видовых* признаков мемуаров и *социальной* функции этого источника в работах А. Г. Тартаковского. Историк обратил внимание на предпочтительность использования термина «мемуары», а не «воспоминания», тем более это важно, так как в литературе эти термины часто предстают в качестве синонимов. А. Г. Тартаковский заметил, что термин

5. Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. С. 399.

6. Там же. С. 693.

7. Там же. С. 694.

«мемуары» «более предпочтителен ввиду его однозначности». При этом он сослался на толкование этих терминов в «Словаре современного русского литературного языка»: 1. «Воспроизведение в памяти предшествующих состояний сознания; возобновление в сознании представлений о ком, чем-либо». 2. «То, что помнится, хранится в памяти». 3. «Воспоминания — записки о своей или чьей-либо жизни; мемуары»⁸.

Близкими взглядам А. С. Лаппо-Данилевского были расуждения немецкого историка Э. Бернгейма, работы которого были достаточно хорошо известны отечественным историкам в конце XIX — начале XX в., как и работы английского историка Э. Фримена, немецкого — И.-Г. Дройзена, французских — Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса. Характеризуя взаимосвязь в познании прошлого «непосредственного наблюдения» событий и воспоминаний о них, Э. Бернгейм писал: «Исторический материал обладает тем свойством, что только однажды подвергается непосредственному наблюдению, и всякое виденное событие, когда оно уже прошло и исчезло из области нашего чувственного восприятия, остается в нашем уме только в виде воспоминания»⁹.

В работах А. С. Лаппо-Данилевского и Н. И. Кареева, относящихся к 1913 г., были обобщены развивавшиеся в отечественной историографии с середины XIX в. взгляды на понятие мемуаров как исторического источника. А. С. Лаппо-Данилевский отметил их возможности и особенности как источника, которые проявляются в процессе изучения мемуаров исследователями: «они дают понятие о внутреннем мире человека, его побуждениях и мотивах, симпатиях и антипатиях, мнениях и доктринах; о его действиях и поступках; об интимной стороне жизни людей данного круга, их характерах, нравах и привычках; о событиях, иногда рассказываемых на основании чувственных восприятий, а иногда сообщаемых и по чужим показаниям, рассказам или слухам; об оценке изображенных в них лиц и событий»¹⁰.

8. Словарь современного русского литературного языка. М., 1951. Т. 2. «В». С. 714; Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика: опыт источниковедческого изучения. С. 4.

9. Бернгейм Э. Введение в историческую науку / пер. с нем. В. А. Вейнштока; под ред. В. В. Битнера. СПб., 1908. С. 35.

10. Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. Ч. II. С. 780.

По смыслу близкую к такому пониманию понятия «мемуары» давал и Н. И. Кареев. Называя мемуары источником «повествовательного содержания», Н. И. Кареев писал: «Мемуарами называются записки современников, заключающие в себе повествования о событиях, в которых сами авторы таких произведений принимали участие или которые были им известны как очевидцам или как лицам, слышавшим о них от очевидцев. Отличие мемуаров от хроник современных событий заключается в том, что в мемуарах особенно выдвигается вперед личность самого автора, его субъективные переживания, пристрастия, стремления»¹¹. Такое понимание сущности и особенностей мемуаров как источника, отражающееся и составляющее основу *понятия* этого источника, прослеживается по мемуарам самого Н. И. Кареева, изданным впервые в 1990 г. и свидетельствующим о «прожитом и пережитом» лично им и близким к нему кругом лиц.

Такое толкование было близким и вместе с тем развивающим и подтверждающим взгляды историков конца XIX в. К. Н. Бестужев-Рюмин, характеризуя отличие мемуаров от источников официального характера, писал, что в мемуарах более ясно отражается личность современника и очевидца событий «со своими сочувствиями и нерасположениями, со своими целями и видами»¹².

Через рассуждения о понятии «мемуары» историки подходили к уяснению их *значения* как исторического источника. Читая лекцию о русских мемуарах XVIII в. студентам имп. С.-Петербургского университета 22 января 1891 г., Н. Д. Чечулин подчеркивал, как важно для историка *не только знать, но и стремиться понять прошлое*. Этот тезис определял и отношение Н. Д. Чечулина к мемуарам, по его словам, помогающим исследователю узнать и понять логику поступков людей прежних поколений.

Такие особенности мемуаров определяли близость к ним дневников и писем (К. Н. Бестужев-Рюмин, В. С. Иконников, Н. И. Кареев, А. С. Лаппо-Данилевский), как и отличие их по характерным признакам проявления в них личности автора.

11. Кареев Н. И. Историка: (Теория исторического знания). С. 60—61.

12. Бестужев-Рюмин К. Русская история. Т. 1. С. 51.

К. Н. Бестужев-Рюмин замечал, что мемуары могут предназначаться «для потомства», а письма — «для современников и притом часто под покровом тайны; следовательно, в письмах и характер человека и его отношений рисуются правдивее, чем в записках или в каких-нибудь литературных произведениях»¹³.

Рассмотренные взгляды историков XIX — начала XX в. на происхождение термина «мемуары» и сущность понятия мемуаров как источника были обусловлены также их взглядами на смысл и роль истории как процесса, в котором активной движущей силой является человеческая личность, проявляющая себя индивидуально и коллективно. В частности, А. С. Лаппо-Данилевскому в силу философского склада его ума было присуще, по мнению И. М. Гревса, чувство «трагического оптимизма», в котором стремление к совершенству соединялось с верой в то, что судьбы мира могут определять разум и свобода¹⁴. Эти убеждения отражались и в оценке значения мемуаров.

Данные взгляды оказали большое влияние на отечественную историографию в начале XX в., что заметно, например, по работам С. Н. Валка и В. И. Пичеты.

Подобные им взгляды мы находим затем в учебных пособиях по источниковедению 1970, 1973 годов (МГУ) и в работах о мемуарах, написанных современными авторами.

13. Бестужев-Рюмин К. Русская история. Т.1. С. 76.

14. Гревс И. М. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (опыт истолкования души) // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 63—65, 81 (примеч.).

Контрольные вопросы:

Какова сущность термина «мемуары» и отношение к нему исследователей XIX—XX в.?

Чем отличаются термины «воспоминание» и «воспоминания» в представлении А. С. Лаппо-Данилевского?

В чем заключается значение мемуаров как исторического источника?

Основная литература:

Источниковедение. Теория. История. Метод. Источники российской истории: учеб. пособие / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. М., 2004.

Источниковедение: учебник для академического бакалавриата / А. В. Сиренов, Е. Д. Твердюкова, А. И. Филюшкин; под ред. А. В. Сиринова. М., 2015.

Дополнительная литература:

Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. СПб., 1910, 1913. Ч. 1, 2; М., 2006.

Минц С. С. Об особенностях эволюции источников мемуарного характера // История СССР. 1979. № 6. С. 55—70.

Приймак Н. И. Понятие мемуаров как исторического источника в отечественной историографии XIX — нач. XX в. // Вестник СПбГУ. Сер. 2. История. 1994. Вып. 2 (№ 9). С. 21—28.

Румянцева М. Ф. Для чего люди пишут мемуары? (Мемуаротворчество как способ социализации индивидуума) // Мир психологии. 1998. №1. С. 141—155.

Тема 3. Классификация мемуаров, дневников, писем

Классификацию мемуаров, дневников и писем следует проводить, учитывая общепризнанное к настоящему времени в научной литературе представление о классификации исторических источников как метода их познания в качестве явления культуры в широком смысле этого слова, так и понимания основных классификационных *понятий: тип, род, вид.*

Обобщающая характеристика этих вопросов на основе анализа различных точек зрения в отечественной историографии XVIII — второй половины XX в. была дана в 1975 г. в монографии Л. Н. Пушкарева, затем в 1983 г. в монографии В. В. Фарсобина¹, уточнена в работах историков и философов в 1980-е гг. (И. Д. Ковальченко, С. О. Шмидт, С. С. Розова и др.)². Учитывая разнообразие мнений, Л. Н. Пушкарев пришел к выводу, что в основе классификации по *типу*, как наиболее широкой, лежит критерий (принцип) *кодирования информации* в источнике — результат «отображения и воплощения действительности»³, что историки к концу XIX — началу XX в. считали свойством, «изначально присущим» источнику (К. Н. Бестужев-Рюмин, А. С. Лаппо-Данилевский, Н. И. Кареев и др.).

1. Пушкарев Л. Н. Классификация русских письменных источников в отечественной истории. М., 1975; Фарсобин В. В. Источниковедение и его метод: опыт анализа понятий и терминологии. М., 1983.

2. Розова С. С. Классификационная проблема в современной науке. Новосибирск, 1986; Шмидт С. О. Источниковая база исторической науки и классификация исторических источников // Историческая наука: вопросы методологии. М., 1986. Гл. XI. С. 153—163. Библиография. С. 251—253.

3. Пушкарев Л. Н. Классификация русских письменных источников. С. 191.

В основе классификации по *родам*, как свидетельствует отечественная историография, лежит представление о том, что наиболее изучаемый тип — письменные источники — делится на две большие категории: одна представлена источниками, которые были созданы «как связное повествование о прошлом или как рассказ о настоящем, предназначенный для современников или потомков»; к другой категории относились письменные источники, которые «создавались человеком или обществом в процессе его личной и общественной жизни, для удовлетворения текущих потребностей, в результате его экономической, политической, культурной и т. п. деятельности»⁴. Такое деление историки начинают проводить уже с 30-х годов XIX в. В результате появляется деление на *повествовательные* и *документальные* источники, которое было подтверждено и закреплено в 1940 г. в учебном пособии по источниковедению⁵. По мнению Л. Н. Пушкарева, критерием (или признаком), отличающим повествовательные источники от документальных, является «преобладание отображения или воплощения действительности в источнике»⁶, на что еще в 1913 г. обращал внимание А. С. Лаппо-Данилевский во II-ой части своей книги «Методология история». При этом среди повествовательных и документальных источников есть т. н. «*переходные*» источники как по типовой, так и родовой классификации, которые отражают, как подчеркнул Л. Н. Пушкарев, сложность и многогранность отображения или воплощения реальной действительности в историческом источнике⁷. Значение деления источников по «родам» представляется необходимым для понимания природы исторического источника и выбора приемов его изучения.

И, наконец, понятие «*вид*» появилось в литературе в конце XIX в., после 1860—1870-х гг., когда изучение источников

4. Там же. С. 206.

5. Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в.: курс источниковедения истории СССР. М., 1940. Т. 1. С. 11.

6. Пушкарев Л. Н. Классификация русских письменных источников. С. 212.

7. Там же. С. 214.

стало оформляться в самостоятельную область исторического знания, имеющую свой предмет и методы. Как заметил Л. Н. Пушкарев, «авторитетное признание» этого состоялось в 1913 г., после выхода второй части «Методологии истории», в котором вторую главу А. С. Лаппо-Данилевский назвал: «Главнейшие виды исторических источников»⁸. Вслед за ним Н. И. Кареев использовал этот термин в названии главы в своей работе: «Разные роды и виды исторических источников»⁹. В 1960-е годы, после введения источниковедения в систему университетского образования, разработки программ, написания учебных пособий, дискуссии в основных исторических журналах о теории источниковедения, вопрос о классификации источников стал актуальным. В такой ситуации появилось понимание классификации источников как метода их изучения и признания важности видовой классификации. Своевременным стало появление в монографии Л. Н. Пушкарева определения понятия «вид» как «исторически сложившегося комплекса» письменных источников, для которых «характерны сходные признаки их структуры, их внутренней формы»; при этом обращалось внимание на взаимовлияние внешних особенностей формы, структуры и композиции источника¹⁰.

В итоге Л. Н. Пушкарев пришел к выводу, что классификация, являясь методом изучения *происхождения* и *выявления* особенностей (свойств) источников, позволяет указать на «объективный характер источника», подчеркнуть зависимость источника от породившей его реальной действительности, выявить «особенность, главное свойство источника, имеющее универсальный характер, распространяющееся на всю совокупность источников», соответственно, по «типу», «роду», «виду»¹¹.

Классификация стала выполнять «*диалектико-логическое*» деление источников, отличное от *систематизации*, которая проводит их «формально-логическое» деление, обусловлен-

8. Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. Ч. II. С. 380—404.

9. Кареев Н. И. 1) Теория исторического знания. СПб., 1913. С. 90—110; 2) Историка: (Теория исторического знания). С. 47—66.

10. Пушкарев Л. Н. Классификация русских письменных источников. С. 225.

11. Там же. С. 237.

ное задачами конкретно-исторического исследования, когда изучаемые источники историк делит в зависимости от задач и целей исследования¹².

Во второй половине 1980-х годов С. О. Шмидт, признавая в качестве общепринятой с 1960—70-х гг. типовую классификацию, отметил «логическую нечеткость» в определении основных типов источников и уточнил понимание внешнего признака исторических источников — «материальной» формы, обратив особое внимание на выявление «общих, формальных свойств» источников и «свойств, отличающих их друг от друга и тем самым обеспечивающих им известную автономию в системе», предложив несколько иную, в отличие от Л. Н. Пушкарева, схему типологической классификации исторических источников:

— *«Вещественные»* источники во всем их многообразии (от памятников археологии до современных машин и предметов бытового обихода).

— *«Изобразительные»* источники: художественное-изобразительные (произведения изобразительного искусства, кино и фотография); изобразительно-графические, изобразительно-натуральные (прежде всего фотографии, кинокадры).

— *«Словесные»* источники: разговорная речь; памятники устного творчества (фольклор); письменные памятники (включая эпиграфические); сюда же относятся и фонодокументы, фиксирующие речь человека.

— *«Конвенциональные»* источники (латин. слово *conventionalis* от “*conventio*” — соглашение, условие, договор), среди них обозначенные графическими знаками (ноты, знаки математической, химической и другой символики), изобразительно-схематические, информация, запечатленная на машинных носителях).

— *«Поведенческие»* источники — визуально наблюдаемые обычаи, обряды.

— *«Звуковые»* или *«аудиальные»* источники: звуки музыкальные и разнообразные другие, в широком смысле этого понятия¹³.

12. Там же. С. 236—239.

13. Шмидт С. О. Источниковая база исторической науки и классификация исторических источников. С. 161—162.

Такая более строгая, логически ясная *типовая* классификация подчеркивает *бесконечность* разнообразия исторических источников.

Следуя ей, мемуары, дневники, письма, являющиеся отдельными видами источников, необходимо относить к *словесным* источникам.

В связи с видовой классификацией мемуаров, дневников, писем нужно обратить внимание на статью Л. И. Деревниной (1963 г.)¹⁴.

Написанная в историографическом аспекте, статья содержит выводы о видовой классификации мемуаров, как пишет автор, «мемуарной литературы» и «мемуарных источников», отмечая, что эти термины следует «принимать как собирательные понятия» для «записок современников, повествующих о прошлом, источником которых является в основном память». При этом «форма» повествований, по мнению автора, может быть различной и в соответствии с ней можно выделить:

— «*воспоминания*» как повествование о всей прошедшей жизни или определенном ее периоде;

— «*литературная запись воспоминаний*», которая отражает сотрудничество автора мемуаров с другим лицом (например, с «литератором», который оставляет свое «я» в мемуарах);

— «*стенографическая (протокольная) запись*» мемуаров, которая проводится по личной инициативе их автора как свидетеля определенных событий. (При этом автор статьи отмечает, что такая ситуация возникает, как правило, по предложению архивов, институтов, музеев и т.д., которые заинтересованы в собирании и хранении мемуаров; в этом случае нужно учитывать влияние другого лица, которое ведет беседу, а также особенности разговорной речи, возможную непоследовательность в изложении, шероховатость стиля и т.д.).

— Среди мемуарных источников автор называет «*дневники*» и отмечает их отличительные особенности. (С данным тезисом трудно согласиться, ведь речь идет о разных видах источников, они имеют много общего, но все же являются различными видами по форме и структуре).

14. Деревнина Л. И. О термине мемуары и классификации мемуарных источников (историография вопроса) // Вопросы архивоведения. 1963. № 4. С.32—38.

Развивая предложенную автором статьи идею выделения отдельных разновидностей мемуаров, можно назвать также:

— *«мемуары-интервью»* (данная форма получила активное развитие в XX веке);

— *«мемуары-исследования»*, когда в текст повествования включались целостные тексты или фрагменты текстов других источников; это мог сделать лично автор повествования или другое лицо (своеобразный соавтор);

— *«автобиографии»* (данную форму мемуаров выделяли историки в XIX — начале XX века;¹⁵ сама же форма присутствует уже в XVIII веке);

— *«эссеистика, исповеди»*;

— *«некрологи или посвящения памяти»* (свидетельства об этом находим в литературе XX в.)¹⁶.

Историк В. В. Кабанов, характеризующий мемуары советского времени, предложил еще более обширную видовую классификацию мемуаров, в основе которой лежит не только определенная форма мемуарного произведения, но и многие другие признаки, которые сложно систематизировать, т. к. они очень разнообразны. Вместе с тем В. В. Кабанов обратил внимание на появление в конце XX в. новых, ранее не использовавшихся форм мемуаров:

— *«блиц-воспоминания»*, или *«мини-мемуары»* — небольшие по объему тексты мемуаров, предназначенные в основном для периодических изданий;

— *«новая»*, или *«лагерная»* проза, авторами которой стали люди, пережившие ссылку и лагеря;

— *«устные рассказы»* (например, И. Андронникова и М. Ромма);

— *«исторические интервью»*;

— *«устная история»* — запись устных воспоминаний;

— *«феномен»* записей (Р. Медведев, Ю. Семенов, К. Каримов и др.), основу которых часто составляли мифы, слухи.

15. См. подробнее: Твердюкова Е. Д. Мемуары и автобиографии // Источниковедение: учебник для академического бакалавриата. С. 293—301.

16. См. подробнее: Румянцева М. Ф. Источники личного происхождения. Классификация // Источниковедение. Теория. История. Метод. Источники российской истории: учеб. пособие. С. 466—467.

Этот же исследователь подробно охарактеризовал разнообразие форм *автобиографий* и *дневников*¹⁷, что подтверждает бесконечность процесса изменений формы источников и необходимость изучать и учитывать это в исследовательской практике.

Что касается классификации дневников, которые представляют собой (хотя далеко не всегда) повседневные записи мыслей, наблюдений, переживаний автора в отношении тех событий, свидетелем, очевидцем или современником которых он был, исследователи выделяют отдельные их разновидности в соответствии с внешними признаками их формы:

— *путевые дневники* («журналы»);

— *дневники-медитации* под влиянием произведений литературы;

— *дневники-описания* военных кампаний;

— *дневники-хроники* повседневной жизни.

Помимо этого характеризуются функции дневников, что определяет и другие их особенности¹⁸.

Не менее сложной является классификация *писем*. В литературе XX — начала XXI в. на основе учета взаимосвязи формы и структуры источника, позволяющей выделять отдельные разновидности исторических источников, предложена наиболее общая классификация писем:

— *письма*, представляющие собой *литературно-художественные* или *публицистические* произведения, имеющие по формальным признакам близость к эпистолярным источникам, но, фактически, таковыми не являющиеся, созданные в форме *письма-обращения* с целью публикации;

— *деловые письма*, свидетельствующие об официальных отношениях между лицами/организациями;

— *частная переписка*, представляющая собой акт личного общения одного лица с другим — дружеского, родственного и иного характера. Вопрос об отношении первых двух групп к эпистолярным источникам остается дискуссионным, т. к. первые скорее следует отнести к публицистике или к художе-

17. Кабанов В. В. Мемуары и дневники // Там же. С. 635—640.

18. Твердюкова Е. Д. Дневники // Источниковедение: учебник для академического бакалавриата. С. 300—301, 304.

ственным произведениям, а вторые — к делопроизводственным источникам¹⁹.

Другие исследователи, в отличие от вышеизложенного, идут по пути систематизации писем («формально-логического» деления). Среди этих исследователей — Т. Г. Кучина, И. И. Колесник и многие другие²⁰.

Таким образом, классификация мемуаров, дневников, писем представляет собой многогранную и вместе с тем объективно необходимую задачу изучения этих источников, которая позволяет понять и глубже раскрыть особенности и значение этих источников во всей сложности их природы.

19. Дмитриев С. С. Частная переписка и ее особенности // Источниковедение истории СССР XIX — начала XX в.: учеб. пособие. С. 358—361; Кабанов В. В. Письма // Источниковедение. Теория. История. Метод. Источники российской истории: учеб. пособие. С. 641; Кобак И. В. 1) Письма второй половины XIX в. как исторический источник: методы изучения // Историография и источниковедение отечественной истории: сб. научных статей. СПб., 2005. Вып. 4. С. 372—380; 2) Изучение писем как исторического источника в отечественной историографии (40-е гг. XX в. — начало XXI в.) // Там же. СПб., 2009. Вып. 5. С. 566.

20. См. подробнее: Кобак И. В. Изучение писем как исторического источника. С. 566—571.

Контрольные вопросы:

Что лежит в основе классификации мемуаров, дневников, писем по типу?

Что лежит в основе классификации мемуаров, дневников, писем по родам?

Что лежит в основе классификации мемуаров, дневников, писем по виду?

Основная литература:

Источниковедение. Теория. История. Метод. Источники российской истории: учеб. пособие / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. М., 2004.

Источниковедение: учебник для академического бакалавриата / А. В. Сиренов, Е. Д. Твердюкова, А. И. Филюшкин; под ред. А. В. Сиренова. М., 2015.

Дополнительная литература:

Деревнина Л. И. О термине мемуары и классификации мемуарных источников (историография вопроса) // Вопросы архивоведения. 1963. № 4. С. 32—38.

Пушкарев Л. Н. Классификация русских письменных источников в отечественной истории. М., 1975.

Фарсобин В. В. Источниковедение и его метод: опыт анализа понятий и терминологии. М., 1983.

Шмидт С. О. Источниковая база исторической науки и классификация исторических источников // Историческая наука: вопросы методологии. М., 1986. Гл. XI. С. 153—163.

Тема 4.

Задачи источниковедческого изучения мемуаров, дневников, писем

Успешное изучение мемуаров, дневников, писем обусловлено знаниями историков сущности природы исторического источника как явления культуры и особенностей отдельных видов этой группы источников.

Представления об этом стали оформляться с середины XIX в., они отразились в развивающихся взглядах на *историческую критику*, в контексте которой рассматривались и конкретные вопросы о методах и приемах работы с данными источниками. К началу XX в. в исследовательской литературе были сформулированы общие принципы анализа свидетельств источников и методы определения их подлинности, выявлено соотношение исторической критики и собственно исторического исследования. А. С. Лаппо-Данилевский сделал вывод о необходимости рассматривать историческую критику в качестве *метода* исследования и противопоставил его *технике* работы историка, на что специальное внимание было обращено и в современной научной литературе¹. Данное положение было созвучно также сделанному ранее, в конце 30-х гг. XIX в., выводу Н. И. Надеждина о назначении «высшей критики» при выяснении достоверности показаний источника определять «историческую возможность факта, возможность не отрицательную только, заключающуюся в отсутствии противоречия, состоящую в полном согласии с законами исторического развития жизни»².

1. Фарсобин В. В. Источниковедение и его метод: опыт анализа понятий и терминологии.

2. Надеждин Н. Об исторической истине и достоверности // Библиотека для чтения. СПб., 1837. Т. XX, раздел III. С. 154—155.

В рассуждениях о приемах изучения мемуаров, кроме выявления истории их происхождения, особое внимание всегда уделялось *личности автора* (П. П. Пекарский, Н. Д. Чечулин, Н. И. Надеждин, В. С. Иконников, В. О. Ключевский, А. С. Лаппо-Данилевский). В связи с этим в предисловиях к изданиям мемуаров, как правило, приводилась биография их авторов. По мнению историков, важно было изучать жизнь мемуариста, среду, в которой он находился, степень и характер его образования, особенности его ума, политические и религиозные убеждения. Не менее важно было понять личное отношение мемуариста к описываемым событиям, чем оно было обусловлено, на чем основывалось его мнение — личных наблюдениях или слухах, или, например, на свидетельствах письменных источников³.

Наиболее детально задачи критики мемуаров и соответствующие им приемы были изложены в рукописи неизданного III тома «Опыта русской историографии» В. С. Иконникова, который был завершён историком к 1920 г. и посвящён истории происхождения мемуаров и особенностям мемуаров, переписки, а также мемуарных свидетельств иностранцев о России. В работе В. С. Иконникова была охарактеризована мемуарная литература от писем А. Курбского до мемуаров, относящихся к первому десятилетию XX в. Историк считал необходимым изучать особенности формы мемуаров, а также источники, на которых основалось повествование: память или свидетельства других источников; язык и стиль, редакции текста, особенности издания. Особое внимание В. С. Иконников уделял изучению обстоятельств появления мемуаров, в частности возможному влиянию более поздних событий или каких-то целей, побудивших мемуариста написать свои мемуары.

Следовало внимательно изучать свойства личной *памяти* мемуариста. В. С. Иконников был согласен с Н. И. Пироговым, что «для беспамятного, хотя бы остроумного и здравомыслящего человека, его прошедшее почти не существует»⁴.

В. С. Иконников также отметил появление в конце 3. Там же. С. 144; Опыт русской историографии В. С. Иконникова. Киев, 1891. Т. I, кн. 1. С. 60; Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. Ч. II. С. 741.

4. Киреева Р. А. Неизданный том «Опыта русской историографии» В. С. Иконникова. С. 326—327.

XIX — начале XX в. новой темы в мемуарах — интересов отдельных политических групп, организаций, т. н. «политических страстей». Такие мемуары, по его мнению, были «написаны в духе партий; они дорожат не столько истиной, сколько проведением известных взглядов, защитой известных интересов»⁵.

Отмечая *субъективный* характер мемуарных записок, обусловленный особенностями личности того или иного автора, исследователи видели в этом своеобразие и ценность таких свидетельств, которые, помимо сведений о событиях, позволяли составить представление о психологии, чувствах, настроении современников описываемых событий⁶.

Конкретные задачи анализа мемуаров, дневников, писем (после *выявления и отбора*) состоят в изучении формы данных источников, что позволяет уяснить структуру и композицию их текста, которые отражают и *стиль работы автора* источника.

По форме одни мемуары могут приближаться к литературно-художественным произведениям, некоторые тяготеют к публицистическому стилю изложения, что, по мнению А. Г. Тартаковского, начинает проявляться в первой половине XIX в., усиливается к 1840—1850-м гг. и отражает уже тенденцию написания мемуаров с прямым расчетом на публикацию, превращая мемуаристику в «подлинно общественное явление духовной культуры», которое «втягивается в живую современность, в идейно-политическое и литературное движение, проявляя эти свойства, как в подцензурных публикациях, так и в сфере потаенного рукописного распространения»⁷. При этом исследователям необходимо понять *обусловленность формы* мемуаров, дневников, писем *личными интересами* или *тенденцией*, характерной для определенного времени, что позволяет подойти к решению следующей задачи — выяснить *побудительные мотивы* создания текста: с целью обобщить свои

5. Там же. С. 328.

6. Кареев Н. Историка: (Теория исторического знания). С. 60; Пичета В. И. Введение в русскую историю: Источники и историография. С. 61.

7. Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика XVIII — первой половины XIX в.: от рукописи к книге. С. 220—221.

наблюдения и впечатления о пройденном собственном пути или отразить свою роль, свое место в значительных по смыслу и масштабности событиях и изменениях в жизни общества, или же для обоснования и, возможно, оправдания своих поступков и действий, что важно учесть при оценке значения данных мемуаров, дневников и писем. Следует соотносить форму мемуарного повествования с его *названием* (повествование о жизни, записки, исповедь и т. д.). В связи с этим важно выделить как общие черты, характерные для эпохи, в условиях которой создавались эти тексты, так и личные обстоятельства, побудившие автора писать мемуары, вести дневник и т. п.

Важнейшей задачей также является изучение *времени* создания источника, что обуславливает *степень достоверности и полноты* оценок и выводов их автора. Чем больше промежуток времени между событиями, отраженными в мемуарах, тем более вероятны ошибки памяти, забвение фактов, принятие желаемого за действительное. К тому же *эволюция взглядов автора* может повлиять на структуру мемуарного произведения и присутствующие в нем оценки.

Мемуарные зарисовки могут быть вкраплены в *текст дневников и писем*, они встречаются и в форме помет, что, по мнению Л. Г. Захаровой, особенно характерно для дневников; мемуарные тексты могут присутствовать в тексте и других источников⁸.

Не менее важно выделять *источниковую* основу мемуарных текстов: по *памяти*, по *предварительным заметкам*, на основании *записей в дневнике*, если автор его вел и т. д.

При изучении *личности* автора мемуаров, дневников, писем следует обратить внимание на пол, характер, возраст в момент сопричастности с описываемыми событиями и в процессе создания текста, а также на образование, индивидуальные особенности памяти, среду, в которой жил автор, его положение в обществе, общественно-политические взгляды, степень причастности к отражаемым событиям, их понимание и интерес к ним, психологическое состояние автора в момент переживаемых событий. Все это позволяет понять, что лежит

8. Захарова Л. Г. Мемуары, дневники, частная переписка второй половины XIX в. // Источниковедение истории СССР XIX — начала XX в.: учеб. пособие. М., 1970. С. 388—389.

в основе источника — увиденное (при этом автор очевидец или участник), или рассказ другого лица, а может быть и слухи, распространившиеся в обществе.

При изучении особенностей *памяти* автора мемуаров, дневников, писем следует иметь в виду *структуру памяти* (восприятие, запоминание, удержание в памяти увиденного и пережитого) и, вместе с тем, рассматривать *воспоминание* о прошлом как процесс воссоздания того, что автор видел и пережил. При этом важно учитывать *индивидуальные особенности памяти* автора, *изменчивость* памяти с возрастом: с годами она становится все более избирательной. Образно и вместе с тем очень точно писала о памяти Джейн Остен в своем нравоописательном романе «Мэнсфилд-парк», над текстом которого работала в 1811—1813 гг.: «Если какую-то из наших способностей можно счесть поразительней остальных, я назвала бы память. В ее могуществе, провалах, изменчивости есть, по-моему, что-то куда более откровенное, непостижимое, чем в любом из прочих наших даров. Память иногда такая цепкая, услужливая, послушная, а иной раз такая путаная и слабая, а еще в другую пору такая деспотическая, нам неподвластная! Мы, конечно, во всех отношениях чудо, но, право же, наша способность вспоминать и забывать мне кажется уж вовсе непонятной»⁹.

Не менее важно понять *намерения* автора: например, написание мемуаров для потомков в назидание или для прославления, оправдания, обвинения и т. д.

Решение охарактеризованных задач позволяет изучить *происхождение* мемуаров, дневников, писем, сделать вывод о *подлинности* этих источников, и, как следствие, понять эти источники как *факт своего времени* и как *свидетельство о прошлом* в своеобразном *переплетении* времен — одного в момент свершения событий и последующего при создании текста мемуарного произведения, записи в дневнике, написании письма.

Центральной задачей источниковедческого изучения мемуаров, дневников, писем (как, впрочем, любого другого исторического источника) является *текстологический анализ*

9. Остен Д. Мэнсфилд-парк // Д. Остен. Собр. соч. М., 1988. Т. 2. С. 416.

(критика текста). Основная цель его — установить *степень достоверности свидетельств* (показаний) источника.

С учетом историографической традиции можно говорить о т. н. «фактической» и «логической» критике текста источника. В отношении мемуарных произведений, дневников и писем это означает, что необходимо изучить *историю* текста источника, сопоставить *известные тексты* («основной» текст, редакции, списки, издания), *выяснить*, если таковые будут, *разночтения*, а также вполне возможные «*фактические*» *ошибки* — в датах, именах, описании конкретных обстоятельств, событий, как и «*логически-смысловые*» неточности — нарушение *связи между временем и событиями*, описание событий не в том контексте, окружении, не на том фоне, что часто бывает не только в связи с ошибками памяти, но и в результате *воображения* автора, которое А. С. Лаппо-Данилевский объяснял как «инстинктивное стремление разума» что-то дополнить или объяснить. В связи с этим можно привести мысль, сформулированную М. Блоком (с ним был согласен и Л. Февр): «Абсолютно правдивого свидетеля не существует, есть лишь правдивые или ложные свидетельства. Даже у самого способного человека точность запечатлевающих в его мозгу образов нарушается по причинам двух видов. Одни связаны с временным состоянием наблюдателя, например, с усталостью или волнением. Другие — со степенью его внимания. За немногим исключением, мы хорошо видим и слышим лишь то, что для нас важно»¹⁰. При этом наибольшая часть недостоверных свидетельств, по мнению М. Блока, обычно бывает связана с ближайшими по времени событиями.

Окончательный вывод о *достоверности* сообщаемых сведений в мемуарах, дневниках, письмах можно сделать, проведя *сравнительный анализ* свидетельств этих источников с *другими источниками*, которые позволяют убедиться, или, напротив, усомниться в верности свидетельств тех или иных авторов.

В итоге такого исследования можно оценить эти источники с точки зрения *возможности* и *полноты отражения* в них тех или иных фактов и явлений, *места* и *значения* мемуаров,

10. Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1973. С. 57—58.

дневников, писем среди других источников.

Оценивая значение этой группы источников, как свидетельствует историография, историки отмечают, что данные источники не просто описывают факты и явления (что также важно), но и воссоздают *жизнь фактов* и *жизнь людей* — их быт и нравы, цели, мотивы, причины поступков и, не менее важно, *самосознание личности в эволюции*. При этом в данных источниках запечатлевается не только жизнь отдельной личности, но, как правило, жизнь этой личности в обществе и влияние на отдельного человека общественного мнения. Исследователи отмечают также значение этих источников как памятников *разговорного языка эпохи* (особенно, если они не предназначались к печати). Кроме того, следует учитывать *уникальность* многих свидетельств, содержащихся в мемуарах, дневниках, письмах.

Что касается *субъективного характера* этих источников, его следует воспринимать и оценивать как присущую данным источникам *особенность* (не положительное или отрицательное свойство), которая позволяет понять личность и ее характерные черты, например, искренность, стремление к правдивости и точности описания увиденного, прожитого и пережитого, а также возможное пристрастие, искаженность и лживость, а иногда расчет на занимательность, когда мемуары становились по форме фельетонно-публицистическими с той или иной окраской и расчетом на занимательность или пикантность, что подтверждает их значение для *познания, изучения и понимания людей прошлого*.

Источниковедческое изучение мемуаров, дневников, писем решает как *общие*, так и *особые* задачи, обусловленные видowymi особенностями этих источников. Например, в отношении *дневников* следует учитывать отличие их от мемуаров по *цели* написания — в большей степени для себя, хотя известны и дневники, создаваемые авторами в расчете на их публикацию в будущем, возможно, после определенного редактирования. В основном эти записи ведутся для закрепления в памяти фактов и событий *текущей* жизни. Дневники более отчетливо, в сравнении с мемуарами, отражают *точку зрения современника*. Как правило, это записи о недавно *состоявшихся* или *продолжающихся* *развиваться* событиях и явлениях, конец ко-

торых еще не виден и не предрешен. *Причастность* автора дневника к описываемым событиям, как правило, изложена более ясно и точно в сравнении с мемуарами. Записи ведутся обычно в *хронологическом* порядке, достаточно *регулярно* и *систематически*, но вместе с тем могут встречаться значительные по времени пропуски. Записи в дневнике могут быть краткими, но некоторые авторы описывают свои впечатления и суждения в достаточно пространной форме, стремясь к анализу происходящего. Дневник может отражать *самоанализ* личности его автора и достаточно определенно выражает его мировоззрение. Эти особенности дневников как источника определяют их отличие от мемуаров.

Письма как исторический источник имеют много общего с дневником, меньше с мемуарами. Как правило, письма пишут по какому-то конкретному поводу определенному лицу и в своем тексте отражают «задержанное» *мгновение* жизни. В письмах незримо присутствует *адресат* — современник автора письма и это накладывает отпечаток на тон и стиль письма его автора. Особенности этого отражает принятая исследователями *классификация* писем¹¹. Выделяется:

— *частная переписка*, в основе которой интерес одной личности к другой проявляется в дружеских отношениях, родственных узах, общности взглядов, чувств и т.д.;

— *деловая переписка*, которая может приобретать характер юридического документа, фигурировать как делопроизводственный источник;

— *письма-обращения*, которые могут быть в форме «открытого письма»;

— *письма-произведения*: литературно-художественные, публицистические, философские. Например, П. Мериме. Письма к незнакомке — 30—40-е годы XIX в. в форме монолога писателя; «Письмо к Гоголю» В. Г. Белинского (1847 г.); «Философические письма» П. Я. Чаадаева (первое из них было напечатано в 1836 г. в журнале «Телескоп», издаваемом Н. И. Надеждиным, и как следствие, журнал был закрыт, издатель отправлен в годичную ссылку в Усть-Сысольск);

— *переписка-полемика* (письма И. Грозного и князя А. Кур-

11. См. подробнее об этом: Прохоров Е. И. Издание эпистолярного наследия. С. 18—19.

бского);

— *творческая переписка* (письма поэта и мыслителя И.-В. фон Гете, Ф. фон Шиллера, писателей И. Жида и Р.-М. дю Гара);

— *эпистолярный дневник* (письма А. Стендаля к сестре Полине, письма О. де Бальзака к Эвелине Ганской) и т. д.

Многообразие *частной переписки* также требует, кроме классификации, систематизации по определенным признакам, общим для той или другой группы писем:

— по объему;

— по содержанию;

— по форме подачи;

— по построению¹².

Следует учитывать *разновидности формы частного письма*, ее эволюцию по ходу исторического процесса: классическое по форме письмо с определенными правилами и нормами эпистолярного этикета, а также разнообразие форм писем, появившихся в конце XIX — XX вв., — записка, приглашение, почтовая открытка, телеграмма.

В процессе изучения писем как исторического источника исследователи выделили понятие «*эпистолярный комплекс*», который включает переписку одного человека и нескольких корреспондентов, имеет ряд общих признаков, объединяющих письмо в такой комплекс, например, родство, дружба, знакомство, а также определенные *эпистолярные отношения*: длительность переписки, интенсивность, регулярность, тематика, характер отношения к эпистолярному этикету определенного времени. Существуют и другие примеры систематизации писем¹³.

Все это определяет задачи и приемы изучения писем как

12. Гаспаров М. Л. Эпистолярное творчество В. Я. Брюсова // Валерий Брюсов и его корреспонденты. М., 1991. Кн. 1. С. 12—29; Кобак И. В. Изучение писем как исторического источника в отечественной историографии (40-е годы XX в. — начало XXI в.) // Историография и источниковедение отечественной истории: сб. научных статей. СПб., 2009. С. 560—580.

13. Кобак И. В. Письма второй половины XIX в. как исторический источник: методы изучения // Историография и источниковедение отечественной истории: сб. научных статей. СПб., 2005. Вып. 4. С. 373—374.

исторического источника, которые, в частности, предполагают изучение любого письма во взаимосвязи с другими письмами в рамках единого эпистолярного комплекса, а также исследование каждого письма как самостоятельного акта общения, обусловленного определенными обстоятельствами, представляющего ценность в качестве источника изучения взглядов как автора, так и его адресата¹⁴.

Не менее важной и достаточно сложной является *атрибуция* писем, для чего необходимо изучение истории письма, взаимоотношений автора и адресата, анализ текста письма, в котором можно найти необходимые сведения, а также исследование почерка.

Сложной является и работа по *датировке* письма. Как правило, любое письмо имеет три даты — написания, отправления и получения. Полная датировка содержит указание на число, месяц, год написания письма. Исследователи выделяют т. н. «*абсолютные признаки*» установления даты письма:

— авторская дата, почтовый штампель на конверте, пометы адресата;

— упоминаемые в тексте письма события, которые связаны во времени с письмом;

Есть и т. н. «*косвенные*» признаки, позволяющие датировать письма:

— особенности почерка;

— особенности бумаги;

— тон и характер обращения автора к адресату;

— лексика автора, определенные формы эпистолярного этикета, присутствующие в тексте письма¹⁵.

Важно также изучение *места* написания письма и рассмотрение этого в связи с определением даты письма¹⁶.

В процессе текстологического анализа писем большую помощь исследователю могут оказать сохранившиеся черновики

14. Там же. С. 376.

15. Кобак И. В. Изучение писем как исторического источника. С. 573.

16. Там же. С. 574; Источниковедение истории СССР XIX — начала XX вв.: учеб. пособие. С. 394—398; Источниковедение истории СССР: учебник. С. 409—414; Источниковедение. Теория. История. Метод. Источники российской истории. С. 640—648; Источниковедение: учебник для академического бакалавриата. С. 305—311.

или неотправленные письма. Как и мемуары, письма и дневники требуют сопоставления их свидетельств с другими видами источников, чтобы уточнить или дополнить их свидетельства, а также понять место и значение этих источников в контексте определенного исторического времени.

В целом же несомненное значение мемуаров, дневников, писем среди других групп источников состоит в том, что они позволяют изучать жизнь одного человека в контексте жизни других людей и общества в целом, предоставляют возможность понять и воссоздать прошлое.

Контрольные вопросы:

1. Каковы задачи и методы источниковедческого изучения мемуаров и дневников?
2. Какие задачи и методы источниковедческого анализа писем?
3. Какова структура источниковой основы мемуарных текстов?
4. В чем заключаются особенности текстологического анализа мемуаров, дневников, писем?

Основная литература:

Источниковедение. Теория. История. Метод. Источники российской истории: учеб. пособие / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. М., 2004.

Источниковедение: учебник для академического бакалавриата / А. В. Сиренов, Е. Д. Твердюкова, А. И. Филюшкин; под ред. А. В. Сиренова. М., 2015.

Дополнительная литература:

Кобак И. В. Изучение писем как исторического источника в отечественной историографии (40-е годы XX в. — начало XXI в.) // Историография и источниковедение отечественной истории: сб. науч. ст. СПб., 2009. Вып. 5. С. 560—580.

Прохоров Е. И. Издание эпистолярного наследия // Вопросы текстологии. М., 1964. Вып. 3. С. 18—19.

Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика XVIII — первой половины XIX в.: от рукописи к книге. М., 1991.

Чекунова А. Е. Русское мемуарное наследие второй половины XVII—XVIII вв.: опыт источниковедческого анализа. М., 1995.

Список источников для подготовки докладов по источниковедческому анализу мемуаров, дневников, писем

Архив братьев Тургеневых. СПб., 1911—1930—1933. Вып. 1—7.

Блок А. А. Автобиография. 1915. Дневники. 1901—1921 // А. А. Блок. Собр. соч. В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 7.

Витте С. Ю. Воспоминания. В 3 т. Л., 1924.

Вяземский П. А. Записные книжки (1813—1848) / В. С. Нечаева: сост. и подг. издания. М., 1963.

Декабрист Н. И. Тургенев: письма к брату С. И. Тургеневу. М.; Л., 1936.

Дневник И. И. Толстого. СПб., 1997.

Итальянские письма и донесения Сильвестра Феодосиевича Щедрина (1818—1830) / подг. М. Ю. Евсеев. М., 2014.

Костомаров Н. И. Автобиография. СПб., 1890; М., 1922.

Крестьянская реформа 1861 г. в свидетельствах современников / Н. И. Приймак, Н. Г. Рогулин, Л. В. Завьялова, К. В. Орлов: сост., подг. издания, науч. статьи. СПб., 2013.

Милютин Д. А. Дневник. В 4 т. М., 1947—1950.

Наш дом на Менделеевской, 5: воспоминания университетов-историков / ред.-сост. И. Б. Михайлова. СПб., 2015.

Наша дань Бестужевским курсам: воспоминания бывших бестужеев за рубежом. Париж, 1971.

Никитенко А. В. Дневник. В 3 т. М., 1955—1956.

Николай Второй: воспоминания, дневники / Б. В. Ананьич, Р. Ш. Ганелин: вступит. ст., сост., подг. текста, примечания. СПб., 1994.

Паустовский К. Г. Повесть о жизни // К. Г. Паустовский. Собр. соч. Т. 3. М., 1957.

Переписка цесаревича Александра Николаевича с императором Николаем I. 1838—1839. М., 2008 (Бумаги Дома Романовых).

Подстрочник: жизнь Лилианы Лунгиной, рассказанная ею в фильме Олега Дормана. М., 2009; М., 2016.

[Половцов А. А.] Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. В 2 т. М., 1966.

Пришвин М. М. Дневники. М., 1990.

Солдатские письма: сб. М., 1965.

Тенишева М. К. Впечатления моей жизни: воспоминания. М., 2002.

Тургенев А. И. Хроника русского: дневники (1825—1826). М.; Л., 1964.

Царицын в путевых записках, дневниках и мемуарах современников (конец XVI в. — 1917 г.) / под ред. М. М. Загоруйко; Л. В. Завьялова, Н. И. Приймак: сост., подг. издания, научн. ст. Волгоград, 2005.

Список рекомендуемых источников и литературы

I. Источники: мемуары, дневники, письма

Алексеевский равелин: секретная государственная тюрьма России в XIX веке. Л., 1990. Кн. 1—2.

Архив братьев Тургеневых. СПб., 1911—1930—1933. Вып. 1—7.

[Бенуа А. Н.]. Дневник 1916—1918 годов. М., 2006 (серия «Биография и мемуары»).

[Бенуа А. Н.]. Дневник А. Н. Бенуа за 1905, 1906 гг. // Наше наследие. 2008. №77, 86.

Блок А. А. Автобиография. 1915. Дневники. 1901—1921 // А. А. Блок. Собр. соч. В 8 т. М.; Л., 1963. Т.7.

Вяземский П. А. Записные книжки (1813—1848) / сост. В. С. Нечаева. М., 1963.

Гинев В. Н. Из жизни ЛОИИ 1980-х гг.: «Библиотека революционных мемуаров»: идея и воплощение // С.-Петербургский исторический журнал: исследования по российской и всеобщей истории. 2016. №1 (09). С. 247—262.

Говорят погибшие герои: предсмертные письма советских борцов против немецко-фашистских захватчиков (1941—1945 гг.). 3-е изд. М., 1966.

Гревс И. М. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (опыт истолкования души) // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 63—65, 81 (примеч.).

Декабрист Н. И. Тургенев: письма к брату С. И. Тургеневу. М.; Л., 1936.

Дневник И. И. Толстого. СПб., 1997.

Итальянские письма и донесения Сильвестра Феодосиевича Щедрина (1818—1830) / подг. М. Ю. Евсевьев. М., 2014.

Ключевский В. О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории / отв. ред. и автор предисловия М. В. Нечкина; сост. Р. А. Киреева, А. А. Зимин, Э. Г. Чумаченко, М. Ф. Леонтьев.

Костомаров Н. И. Автобиография. СПб., 1890; М., 1922.

Крестьянская реформа 1861 г. в свидетельствах современников / Н. И. Приймак, Н. Г. Рогулин, Л. В. Завьялова, К. В. Орлов: сост., подг. издания, научн. статьи. СПб., 2013.

Милютин Д. А. Дневник. В 4 т. М., 1947—1950.

Наш дом на Менделеевской, 5: воспоминания университетов-историков / ред.-сост. И. Б. Михайлова. СПб., 2015.

Никитенко А. В. Дневник. В 3 т. М., 1955—1956.

Николай Второй: воспоминания, дневники / Б. В. Ананьич, Р. Ш. Ганелин: вступит. ст., сост., подг. текста, примечания. СПб., 1994.

Остен Д. Мэнсфилд-парк // Д. Остен. Собр. соч. М., 1988. Т. 2.

Переписка цесаревича Александра Николаевича с императором Николаем I. 1838—1839. М., 2008 (Бумаги Дома Романовых).

[Половцов А. А.]. Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. В 2 т. М., 1966.

Пришвин М. М. Дневники. М., 1990.

Солдатские письма: сб. М., 1965.

Тургенев А. И. Хроника русского: дневники (1825—1826). М.; Л., 1964.

1917 год в деревне: (воспоминания крестьян). М., 1967.

Царицын в путевых записках, дневниках и мемуаров современников (конец XVI в. — 1917 г.) / под ред. М. М. Загорулько; Л. В. Завьялова, Н. И. Приймак: сост., подг. издания, научн. статья. Волгоград, 2005.

II. Исследования мемуаров, дневников, писем

Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. С. Ю. Витте — мемуарист. СПб., 1994. (ротاپринт).

Базилевич К. Почта в России в XIX веке. М., 1927.

Бернгейм Э. Введение в историческую науку / пер. с нем. В. А. Вейнштока; под ред. В. В. Битнера. СПб., 1908.

Бестужев-Рюмин К. Н. Русская история. СПб., 1872. Т. 1.

Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1973.

Булгакова Л. А. Мемуары как источник по истории университетов дореволюционной России // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1985. Вып. XVI.

Валк С. Н. [Рец.:] Историко-революционная библиотека. П[г]., 1920—1921 // Дела и дни. П[г]., 1922. Кн. 3. С. 190—202;

Валк С. Н. Избранные труды по археографии: научное наследие. СПб., 1991.

Гаспаров М. Л. Эпистолярное творчество В. Я. Брюсова // Валерий Брюсов и его корреспонденты. М., 1991. Кн. 1. С. 12—29.

Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. Л., 1971.

Горбунов А. В. Личная переписка как источник для изучения социальной психологии революционеров-разночинцев 70-х гг. XIX века // Проблемы истории СССР. М., 1978. Т. 7.

Гроссман Л. Культура писем в эпоху Пушкина // Л. Гроссман. Цех пера: статьи о литературе. М., 1930.

Гюбиева Г. Е. Этапы развития русской мемуарно-биографической литературы XVIII в.: автореф. дис. ... канд. филол. наук / МГПИ. М., 1969.

Деревнина Л. И. О термине мемуары и классификации мемуарных источников (историография вопроса) // Вопросы архивоведения. 1963. №4. С.32—38.

Елизаветина Г. Г. Становление жанров автобиографии и мемуаров // Русский и западноевропейский классицизм: проза. М., 1982.

Завьялова Л. В., Приймак Н. И. Петербург конца 1850-х гг. глазами иностранцев: сравнительный анализ мемуаров А. Дюма и Т. Готье // Историография и источниковедение отечественной истории: сб. научных ст. / под ред. С. Г. Кашенко, Н. И. Приймак. СПб., 2003. Вып. 3. С. 3—32.

Источниковедение истории советского общества. М., 1964, 1968, 1978, 1982. Вып. I—IV.

Кабанов В. В. Между правдой и ложью: отечественные мемуары XX века. М., 2004.

Кабанов В. В. Собрание и публикация в 20-х годах крестьянских воспоминаний об аграрной революции и граж-

данской войне в России // Археографический ежегодник за 1984 год. М., 1986.

Кареев Н. И. Историка: (Теория исторического знания). 2-е изд. Пг., 1916 (1-е изд. СПб., 1913).

Кареев Н. И. Прожитое и пережитое / В.П. Золотарев: археографическое предисловие, вст. статья, подготовка текста, комментарии. Л., 1990.

Кафенгауз Б. Б. Купеческие мемуары // Московский край в его прошлом. М., 1928.

Киреева Р. А. Неизданный том «Опыта русской историографии» В. С. Иконникова // Археографический ежегодник за 1977 год. М., 1978. С. 326—328.

Ключевский В. О. Соч. В 8 т. М., 1959. Т. VI: специальные курсы.

Кобак И. В. Изучение писем как исторического источника в отечественной историографии (40-е годы XX в. — начало XXI в.) // Историография и источниковедение отечественной истории: сб. науч. ст. СПб., 2009. Вып. 5. С. 560—580.

Кобак И. В. Письма второй половины XIX в. как исторический источник: методы изучения // Историография и источниковедение отечественной истории: сб. научных статей. СПб., 2005. Вып. 4. С. 372—380;

Кобак И. В. Семейная переписка Гаевских 1820—1880-х гг. как исторический источник: автореф. дис. ... канд. ист. наук. / СПбГУ. СПб., 2015.

Курносков А. А. Мемуары // БСЭ. 3-е изд. М., 1974.

Кучина Т. Г. К вопросу об изучении эволюции эпистолярных источников второй половины XIX — начала XX в. // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин. М., 1984.

Кучина Т. Г. К изучению эволюции эпистолярных источников второй половины XIX — начала XX вв. // Актуальные проблемы источниковедения истории СССР, спец. ист. дисциплины и их преподавание в вузе: тезисы докладов III Всесоюзной конференции (Новороссийск, 1979). М., 1979.

Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. СПб., 1910. Ч. I. СПб., 1913. Ч. II.

Марасинова Е. Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века: (по материалам переписки). М., 1999.

Марасинова Е. Н. Социальная психология интеллектуально-аристократических кругов российского дворянства последней трети XVIII века: (опыт формально-количественного анализа источников эпистолярного характера): автореф. дис ... канд. ист. наук / МГУ. М., 1991.

Минц С. С. Об особенностях эволюции источников мемуарного характера // История СССР. 1979. №6. С. 55—70.

Минц С. С. Социальная психология российского дворянства последней трети XVIII — первой трети XIX в. в освещении источников мемуарного характера: автореф. дисс. ... канд. ист. наук / МГУ. М., 1981.

Мишуков О. В. Русская мемуаристика первой половины XIX века: проблемы жанра. Киев, 1997.

Надеждин Н. Об исторической истине и достоверности // Библиотека для чтения. СПб., 1837. Т. XX, раздел III.

Наумов Е. Ю. Переписка Чичериных как источник по истории общественного сознания и культуры России второй половины XIX — начала XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. / АН СССР. Институт истории СССР. М., 1985.

Памяти академика С. Ф. Платонова: исследования и материалы. СПб., 2011.

Пекарский П. Русские мемуары XVIII века // Современник. 1855. Т. 50(2)—52(4).

Пичета В. И. Введение в русскую историю: (Источники и историография). М., 1922.

Приймак Н. И. А. С. Лаппо-Данилевский в воспоминаниях современников // Клио: журнал для ученых. 1997. № 3. С. 49—54.

Приймак Н. И. А. С. Лаппо-Данилевский и С. Н. Валк (Учитель и ученик) // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 1998. Вып. 1 (№ 2). С. 8—16.

Приймак Н. И. И. М. Гревс как мемуарист // Петербургские исследования: сб. научных ст. СПб., 2006. М. 81—90.

Приймак Н. И. Петроград 1917—1920 годов в мемуарах историков // Историография и источниковедение оте-

чественной истории: сб. науч. ст. и сообщений. СПб., 2001. С. 144—152.

Приймак Н. И. Понятие мемуаров как исторического источника в отечественной историографии XIX — нач. XX в. // Вестник СПбГУ. Сер. 2. История. 1994. Вып. 2 (№ 9). С. 21—28.

Приймак Н. И. Россия на рубеже XIX—XX веков в мемуарах историков // Актуальные проблемы современного источниковедения: материалы украинско-российского научного семинара. Киев; СПб., 1999. С. 67—74.

Приймак Н. И. Вопросы теории источниковедения в работах отечественных исследователей XIX — начала XX в.: статьи разных лет. СПб., 2015. С. 31—43.

Прохоров Е. И. Издание эпистолярного наследия // Вопросы текстологии. М., 1964. Вып. 3. С. 18—19.

Пушкарев Л. Н. Классификация русских письменных источников в отечественной истории. М., 1975.

Розова С. С. Классификационная проблема в современной науке. Новосибирск, 1986.

Романовский В. К. Письма рабочих как источник для изучения социального облика рабочего класса 1920-х гг. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1990. Вып. XXI.

Ростовцев Е. А. Дневник Н. Н. Платоновой (Шамониной) как источник по истории исторической науки // Времена и судьбы: сб. ст. в честь 75-летия В. М. Панеяха. СПб., 2006. С. 270—318.

Румянцева М. Ф. Для чего люди пишут мемуары? (Мемуаротворчество как способ социализации индивидуума) // Мир психологии. 1998. №1. С. 141—155.

Смирнова М. А. Мемуары и дневники петербургских купцов конца XVIII — начала XX в. как исторический источник: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. / СПбГУ. СПб., 2011.

Соболев Г. Л. Письма в Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов как источник для изучения общественной психологии в России в 1917 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1968. Вып. I.

Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика: опыт источниковедческого изучения. М., 1980.

Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика XVIII — первой половины XIX в.: от рукописи к книге. М., 1991.

Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика и историческое сознание XIX века. М., 1997.

Тартаковский А. Г. Социальные функции источников как методологическая проблема источниковедения // История СССР. 1983. №3. С. 112—125.

Тюнина О. П. Эпистолярные источники фонда Юсуповых // Советские архивы. 1989. №6. С. 68—71.

Фарсобин В. В. Источниковедение и его метод: опыт анализа понятий и терминологии. М., 1983.

Чайковская О. Г. Как любопытный «скиф»: русский портрет и мемуаристика второй половины XVIII века. М., 1990.

Чекунова А. Е. Русское мемуарное наследие второй половины XVII — XVIII вв.: опыт источниковедческого анализа. М., 1995.

Чернуха В. Г. Мемуары столичного чиновничества второй половины XIX в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1983. Вып. XIV.

Чечулин Н. Д. Мемуары, их значение и место в ряду исторических источников: вступительная лекция, читанная в С.-Петербургском университете 22 января 1891 г. перед началом курса «Русские мемуары XVIII в.». СПб., 1891.

Шмидт С. О. Источниковая база исторической науки и классификация исторических источников // Историческая наука: вопросы методологии. М., 1986. Гл. XI. С. 153—163.

Эйхенбаум Б. О прозе. О поэзии: сб. ст. Л., 1976.

III. Учебные пособия

Демина Л. И. Проблемы отечественной историографии в мемуарах русских историков в XIX—XX в.: учебное пособие. М., 1990.

Источниковедение истории СССР XIX — начала XX в.: учебное пособие / под ред. И. А. Федосова (отв. ред.), И. И. Астафьева, И. Д. Ковальченко / МГУ. М., 1970.

Источниковедение истории СССР: учебник / под ред. И. Д. Ковальченко / МГУ. М., 1973; М., 1981.

Источниковедение. Теория. История. Метод. Источники российской истории: учебное пособие / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева / РГГУ. М., 1998; М., 2004.

Источниковедение: учебник для академического бакалавриата / Е. Д. Твердюкова, А. В. Сиренов, А. И. Филюшкин; под ред. А. В. Сиренова / СПбГУ. М., 2015.

Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в.: курс источниковедения истории СССР. М., 1940. Т. 1.

IV. Справочно-библиографические издания

Воспоминания и дневники XVIII—XX вв.: указатель рукописей / ОР РГБ; сост. С. В. Житомирская. М., 1976.

Дневники и воспоминания XVIII—XX вв.: аннотированный указатель по фондам РГАЛИ. М., 2001. Вып. 1.

История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: аннотированный указатель книг и публикаций в журналах / научн. рук., ред. и введение П. А. Зайончковского. М., 1976—1989. Т. I—V: от XV в. до 1917 г.

История СССР в воспоминаниях и дневниках: аннотированный каталог рукописей: конец XVIII в. — 1917 г. / ОР ГПБ; сост. М. Я. Стецкевич. Л., 1975. Вып. I; Л., 1979. Вып. II.

Минцлов С. [Р.]. Обзор записок, дневников, воспоминаний и путешествий, относящихся к истории России и напечатанных на русском языке. Новгород, 1911—1912. Вып. 1—5.

Россия и российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках: аннот. указ. книг, журнальных и газетных публикаций, изданных за рубежом в 1917—1991 гг. / ГПИБ; Стэнфордский университет; сост. Т. Г. Анохина и др.; научн. рук. А. Г. Тартаковский. В 4 т. М., 2003—2006.

Указатель воспоминаний, дневников, путевых записок XVIII—XIX вв. / ОР РГБ; сост. С. В. Житомирская. М., 1951.

Подписано в печать

Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 3,1. Тираж 100 экз.
Заказ № XXXX.

Отпечатано в ООО «Издательство “ЛЕМА”»
199004, Россия, Санкт-Петербург, 1-я линия В.О., д. 28
тел.: 323-30-50, тел./факс: 323-67-74
e-mail: izd_lemma@mail.ru
<http://www.lemaprint.ru>

